

Бумажные призраки

Автор:

Джулия Хиберлин

Бумажные призраки

Джулия Хиберлин

Психологический триллер (АСТ)

Грейс уверена: двенадцать лет назад ее старшая сестра не просто исчезла – ее убили. А сделал это знаменитый фотограф Карл Фельдман, сумевший избежать правосудия. Теперь, годы спустя, он живет в реабилитационном центре, и никто не думает, что безобидный старик может быть монстром, на руках которого – кровь множества жертв. Однако Грейс видит в его «слабоумии» лишь виртуозное притворство...

Так ли это? Или все подозрения Грейс в адрес Фельдмана, все улики против него – лишь плод ее воображения?

А что, если Фельдман именно тот, кто спасет саму Грейс и поможет найти настоящего убийцу?..

Джулия Хиберлин

Бумажные призраки

Julia Heaberlin

PAPER GHOSTS

© Julia Heaberlin, 2018

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящаю Стиву – за безграничную веру в мои силы

Фотография – это секрет в секрете. Чем больше она открывает, тем меньше вам известно.

Диана Арбус (1923–1971), американский фотограф

Тогда

Когда моей сестре было двенадцать лет, она провалилась в могилу.

Мы гуляли одни на безлюдном кладбище. Из земли во все стороны торчали старые надгробия. Трава была сухая, такого же соломенного цвета, как ее волосы. Помню это ужасное трепыхание у себя в груди. Конечно, я пыталась вытащить сестру из свежевырытой могилы, но смогла лишь едва дотронуться до ее руки кончиками пальцев.

Она сидела в яме и смеялась.

Мне было пять.

Сестра обожала гулять на кладбище в Уэтерфорде, Техас. Там был похоронен Питер Пэн, хотя на надгробии значилось «Мэри Мартин Холлидэй». А еще некто по имени Джимми Элизабет и девочка Софрония – так же зовутся фиолетовая орхидея, английская ночная бабочка и персонаж из книги Чарлза Диккенса. Обо всем этом мне рассказала сестра. Она хотела назвать Софронией свою первую дочь (сокращенно – Софри или Фроня).

Покойников на кладбище было множество. Сотни. Миллионы костей лежали под нашими детскими ножками, беззаботно скакавшими прямо по могилам.

«Смерть пришла к ней, как летний сон» – было начертано на одной из древних, побелевших от времени могильных плит. Остальные слова эпитафии я не помню, хотя сестра каждый раз зачитывала ее целиком.

Я побежала за бабушкой, дом которой стоял в полумиле от кладбища.

Тем временем сестра сумела выбраться из могилы – на ней не было ни царапинки.

Очевидно, именно тогда, в тот самый миг, на нее легло проклятие. Семь лет спустя она исчезла – словно кто-то сбросил лассо с небес и утащил мою сестру к себе.

И именно в тот день меня начали преследовать страхи.

Теперь

1

– Ты вообще кто такая?!

Ставлю ферзя ближе к его королю.

– Ты уже знаешь.

Правой – здоровой – рукой он смахивает с доски все фигуры. Одним стремительным движением. Шахматы падают, прыгают по ковровину, закатываются в углы, припорошенные вековой пылью. Я не обращаю на это внимания. Умею держать себя в руках. Такую же невозмутимость хранит глухая старушонка, что сидит рядом со мной и вяжет бесконечный синий шарф. Или зеленый. Или розовый, или золотой... Он может быть любого цвета.

Спиц у нее нет. Морщинистые руки методично вяжут воздух, и невидимая работа гармошкой складывается на коленях. На редких серебристых волосах, торчащих из ее черепушки, криво-косо сидит белая фата.

Над головой старухи висят пластиковые часы. Всякий раз, когда я сюда прихожу, мне хочется сорвать их со стены. Время не имеет никакого значения для жильцов этого дома. Нет смысла думать о том, что осталось по другую сторону входной двери о трех замках. Нет смысла вспоминать собственные кошмарные преступления и людей, которые давно тебя не навещают. Подумаешь, в прошлой жизни ты ненавидел перезревшие бананы и трескучий зрительский смех из сериала «Я люблю Люси». Теперь ты все равно сидишь тут, ешь первое и смотришь второе.

Интересно, о чем думает Карл. Хочет меня убить? Мне двадцать четыре, как раз подхожу. Белокожая. Стройная. И похожа на сестру, говорят. Разница лишь в том, что она светилась изнутри. Она была бойкая. Храбрая. Прирожденная актриса. Людей к ней тянуло. Они души в ней не чаяли. Карла тоже притянуло – и он лишил ее жизни.

Быть может, он принимает меня за ее призрак.

Я всего лишь дублерша, Карл. Муляж, начиненный динамитом, запрограммированный на месть. Стою за кулисами и дрожу перед выходом на сцену. Скоро мы с тобой сыграем главные роли в этом спектакле.

Всякий раз я оказываюсь для Карла незнакомкой – или он врет? Он еще ни разу меня не узнал. И имени моего не помнит. Отказывается отвечать на вопросы о том, почему носит рождественский галстук с мордой Гринча в июне, где купил

свои древние сапоги свинцового цвета и куда они носили его в последний раз. Такие сапоги наталкивают на мысль о прекрасных горных видах. Я представляю, как крепко стою на вершине опасного утеса, а передо мной на многие мили раскинулась красота.

Болтовня о сапогах его не впечатляет, равно как Уолт Уитмен и Джон Гришэм, которых я читаю ему у единственного солнечного окошка этого дома, как и анекдоты про говорящих коров, которые я травлю на прогулках по окрестностям. Я делаю для Карла то, что люди обычно делают для любимых. Сегодня в блинной «АЙХОП» я наблюдала, как он топит оладьи в клубничном сиропе и режет их ножом на мелкие кусочки. Меня так и подмывало спросить: Сироп напоминает тебе кровь?

Он думает (и хочет, чтобы все так думали), будто его глаза – окна в черную вселенную, куда остальным путь заказан. Но меня не так-то просто одурачить. Интересно, что он видит в моих глазах? Что-то знакомое?

Он превосходный актер, говорилось в одном из свидетельских показаний.

В данный момент Карл невинным и одновременно зловещим жестом пытается намекнуть мне, что по-прежнему полон сил. Что его рано списывать со счетов. Я и так это знаю. Не зря так долго его изучала. Взвешивала риски. Пока он мылся в душе, я даже обыскала его комнату и нашла тайник – в помятом чемодане под кроватью. Там были красные резиновые эспандеры, которыми он качает маленький узловатый бицепс на правом предплечье, и десятифунтовые гири. Острый складной ножик и серебряная зажигалка с выгравированной на боку «Н». Вместе с единственной сигаретой она лежит в кармашке на молнии.

За подкладку чемодана аккуратно спрятана фотография 8?10. Когда она была сделана – неизвестно. Может, в 1920-м, а может, в наши дни. Карл как фотограф (его книга сюрреалистических снимков «Путешествие во времени» однажды вошла в список бестселлеров) специализировался на безвременье. Уголки фотографии замялись, и белый след сгиба делит на две ровные части молодую девушку, стоящую посреди иссушенной ржавой пустыни.

На шее у девушки висит крошечный серебряный ключик. Такой же ключик, но на длинной цепочке, я видела на груди у Карла – он прятал его среди поседевших кудрей под футболкой, подальше от любопытных глаз. Однажды подвеска

случайно выскользнула из укрытия и повисла над шахматной доской, тогда-то я ее и заметила. Мог ли ключик принадлежать одной из жертв?

Серийные убийцы, разгуливающие на воле, рано или поздно стареют. Я много об этом думала. Они тоже люди и вполне могут устать. Ощутить острую потребность лелеять розы или внуков. Сломать бедро или перенести инсульт. Стать импотентами. Потерять все сбережения. Попасть под машину. Пустить себе пулю в лоб, наконец.

Убийцы, которые однажды публично победили систему, невидимые монстры, сумевшие уйти от преследования, – это едва слышный, пульсирующий музыкальный фон. Скрипят гобои, ударные глухо отбивают ритм. Мало кто услышит этот саундтрек, разве что в самом конце, когда будет уже поздно.

Мне потребовалось очень-очень много времени, чтобы найти предполагаемого убийцу сестры. Годы. Десятки бесед. Сотни подозреваемых. Тысячи документов. Я читала, выслеживала, подсматривала, воровала. Это было моим единственным хобби, единственной страстью с двенадцати лет – когда моя старшая сестра пропала среди бела дня, так и не одолев трех миль до соседского дома, где ее просили посидеть с детьми.

Было утро. Ее дожидались два милых маленьких мальчика, Оскар и Тедди Паркер. Трудно поверить: сейчас они уже старшекласники. Несколько месяцев назад их мама прислала мне эссе, которое Оскар написал для поступления в университет. Она выразила надежду, что ее письмо не причинит мне боли.

Ну, не знаю. Открывать письмо сразу я не стала. Оскар явно упомянул в эссе мою сестру. Я засунула листок под зеркало в ванной. Мне претила мысль о том, что какая-то приемная комиссия будет оценивать и критиковать жизнь Рейчел.

Целый месяц я собиралась с духом. Мир стал другим, писал Оскар. Мне было всего пять лет, но после ее исчезновения мир стал другим. Все изменилось. Браслет, который мы сплели вместе, я носил на руке несколько лет подряд, не снимая, пока он в буквальном смысле не истлел. Все остальные няньки в подметки не годились Рейчел. Да и остальные девушки, если уж быть совсем честным. Никакие слова больше не способны внушить мне чувство безопасности, однако всякий раз, когда надо взять себя в руки и быть смелым, я вспоминаю ее имя. Именно из-за нее я решил изучать уголовное право.

Я часто задумывалась о том, как глубоко смерть сестры повлияла на нашу семью. На меня. Я стала ощущать себя иначе, даже мое тело изменилось, словно бы все клетки организма подверглись химическому переустройству, навеки перейдя в режим повышенной боевой готовности.

Но я ни разу не думала о том, как тяжело пришлось двум маленьким мальчикам, которые часто просили ее почитать «Гарри Поттера», потому что она классно изображала персонажей. Когда в 9.22 мне позвонила миссис Паркер и спросила, где Рейчел, я как раз собралась готовить печенье с шоколадной крошкой и достала из буфета муку.

Мои родители (оба бухгалтеры) уехали на работу пятнадцать минут назад. Мне было почти тринадцать, летом в мои обязанности входило убирать дом и готовить обед. Обычный день в обычной семье.

Она не заболела? – с искренним беспокойством и без намека на досаду спросила миссис Паркер. Температуры нет?

Случилось несчастье, тут же подумала я. Рейчел сбила машина, и теперь она лежит где-то без сознания. Коробка выпала у меня из рук, белая мука просыпалась на черную плитку. Никому не пришло в голову ее вытереть. В хаосе, который воцарился в нашем доме вслед за звонком миссис Паркер, самые разные люди наступали на муку и разносили ее по дому. Даже спустя несколько месяцев я обнаруживала эти мучные следы то тут, то там, как будто Рейчел все еще с нами и белым призраком ходит по дому.

Теперь, когда я наконец нашла Карла и сижу рядом, мне в последний раз приходит мысль пойти на попятную и все отменить. Я никому не рассказывала о своем плане похитить его из реабилитационного центра и любой ценой докопаться до истины.

В принципе для меня это не новость – нарушить данное себе обещание. Девушка с фотографии в его чемодане, девушка с крошечным ключиком неизвестно от чего словно умоляет меня бежать, бежать без оглядки.

Я предпочитаю не задумываться, на что по-прежнему способны руки Карла.

Включают кондиционер. От вентилятора под потолком летит теплый ветерок. Фата колыхнется, белая паутина ласкает морщинистую шею.

Я опускаюсь на колени, чтобы собрать рассыпанные фигуры, и исчезаю под ломберным столиком.

– Кто ты такая?! – орет Карл и с такой силой обрушивает кулаки на столик, что я ударяюсь затылком о край.

Он нарочно наступает сапогом мне на ладонь. Я сдерживаю крик, прячу руку, открываю кулак – конечно, там пешка.

– Твоя дочь, – вру я.

По-другому мне бы его не отдали.

А вот ты, Карл, кто такой?

2

Спустя десять посещений я начинаю приводить свой план в исполнение. Карл по-прежнему не верит, что я его дочь, но он по крайней мере запомнил мое имя – липовое, разумеется. Самым что ни на есть беззаботным тоном я предлагаю ему отправиться в совместное путешествие. Всего на пару недель, щебечу я. Проветриться, сменить обстановку. Узнать друг друга поближе. Хорошая возможность отдохнуть от этой жуткой тюрьмы.

– Если я поеду, ты разрешишь мне пользоваться шариковой ручкой? – спрашивает Карл. – Миссис Ти не разрешает. Боится, как бы я не воткнул ее кому-нибудь в горло.

– Не хватало мне еще кровищу отмывать, – ворчит миссис Ти с порога кухни. Ее «желеобразный польский зад», как говорит Карл, всегда подкрадывается тихо, незаметно и в самый ответственный момент. Однако именно миссис Ти тринадцать месяцев назад взяла Карла под свое крыло. Ее центр социальной

адаптации бывших заключенных оказался единственным местом, согласившимся принять предполагаемого серийного убийцу с деменцией, после того как один коп из Уэйко случайно нашел его на шоссе.

Знаменитый фотограф-документалист Карл Льюис Фельдман, подозреваемый в похищении и убийстве множества молодых девушек, не мог вспомнить даже собственное имя. Чтобы установить его личность, потребовались отпечатки пальцев и образец ДНК. Местная больница придумала ему диагноз «ранняя деменция» и выпустила обратно в мир.

Потому как, даже если он «новый Тед Банди, ей-богу, только с фотокамерой и за рулем пикапа», как говорил прокурор в тexasском суде, государству было просто-напросто плевать.

Карла признали невиновным в том деле о пропавшей женщине – единственном деле, по которому его удалось привлечь к ответственности. Полиция обнаружила на месте преступления следы его ДНК. Три дня на размышления – и присяжные отправили Карла восвояси. Он, конечно, ушел. И несколько лет прятался по темным углам, словно паук-отшельник, пока я нетерпеливо барабанила себя по ноге и ждала, когда он выползет.

А потом судьба привела меня сюда, на тесный диванчик, к убийце моей сестры и женщине, которая вяжет невидимый шарф. Мы сидим почти вплотную, я даже чувствую жар их тел. Старушка сегодня без фаты, но сухие руки ожесточенно и ритмично месят воздух, словно кто-то погоняет ее кнутом.

Остальные подопечные центра прячутся в кухне, спальнях и уборной – подальше от надоевшего телевизионного саундтрека (телик здесь врубают в шесть утра и не выключают до позднего вечера). Неумолчный протяжный вой, исходящий из его черного нутра, стоит у меня в ушах еще несколько часов после ухода.

Карл с трудом отрывается от экрана – там по каналу «Дискавери» показывают тарантула, который способен прожить без пищи два года.

Карл поворачивается ко мне, нарочно упираясь в бедро костлявым коленом. Я представляю, как этим же коленом он прижимал к земле Рейчел. И вдруг радуюсь, что старуха в фате глуха, как тетерев, а острые спицы у нее в руках – воображаемые.

Он поднимает руку. Миссис Ти нигде не видно. Сейчас Карл ко мне прикоснется. И я ему позволю. Делай что угодно. Только согласись.

Шершавыми подушечками указательного и среднего пальцев он медленно ведет по моей щеке, а я пялюсь в экран телевизора, где мохнатый паук вступил в поединок с ящерицей.

Карл проводит пальцами по моему подбородку и уху. Спускается к шее. Добравшись до впадинки рядом с дыхательным горлом, постукивает по ней двумя пальцами – сильнее, чем хотелось бы.

– Тук-тук, – говорит он. – Тук-тук. Это твоя сонная артерия.

Я киваю, с трудом проглатывая ком в горле. После сотни прочитанных заключений судмедэкспертов я знаю о сонной артерии все. О трех ее слоях, или оболочках, – внутреннем (эндотелии), среднем и внешнем (адвентиции). О том, что по этой парной артерии в головной мозг поступает девяносто процентов крови. В сериалах не врут: мощного удара по одной из ее ветвей достаточно, чтобы в считанные минуты убить человека.

Карл не отнимает пальцев от моего горла даже тогда, когда в дверь начинают громко стучать, затем трезвонить.

Я наклоняюсь за сумочкой, и он вынужден отстраниться. А я тем временем могу перевести дух и снять с лица презрительно-униженную гримасу, которой, надеюсь, он не заметил. Я роюсь в сумочке, слушая скрип половиц, шелест юбки миссис Ти и лязг миллиарда задвижек на входной двери.

Когда я поднимаю голову, в гостиную заходит посетительница – темноволосая девушка по имени Лолита с татуированной розой на внутренней стороне нежного запястья. Каждую среду она навещает одного из местных обитателей, благополучно забывшего о том, как однажды он поджег жилой дом. Внутри было шесть человек. Сейчас он смирный и безобидный. Никто не умер, поэтому из тюрьмы его выпустили.

Я заметила, что в компании Карла Лолита всегда опускает голову. Сегодня – не исключение. На ней, как обычно, черный шарф с розовыми и белыми улитками.

Один раз она повязала этим шарфом хвост, в другой – подпоясала джинсы. Сегодня он болтается у нее на шее. Как-то раз я случайно узнала, что она всегда надевает на встречи этот рождественский подарок от любимого деда, чтобы немного расшевелить его память.

Миссис Ти и Лолита, оживленно болтая, выходят из комнаты. Я вручаю Карлу шариковую ручку, которую достала из сумочки – мою любимую. Чернила блестят на бумаге, как синее масло.

– Помнишь, ты просил? – спрашиваю я. – Ну, поедешь со мной? – Тон у меня чуть более умоляющий и полный надежды, чем хотелось бы. Может, так и должна говорить настоящая дочь. Может, это даже хорошо.

Он прячет ручку за пояс джинсов, обнажая интимные завитки черных волос под пупком. Мое сердце выпрыгивает из груди и стучит в горле – сейчас даже сильнее, чем минуту назад, когда Карл прижимал туда пальцы.

– Милая девица, милый шарфик, – непринужденно произносит он. – А ты знала, что улитка-конус может убить человека? В народе ее прозвали «сигаретой», потому что после укуса этой улитки только и остается времени, что выкурить сигаретку. – Он пихает меня в бок. – Ой, да ладно, улыбнись! Я слышал, это вранье. – Карл прижимает пальцы к губам и делает вид, что затягивается. – Интересно, Лолита курит?

3

Когда я впервые увидела фотографию Карла, его лицо показалось мне до боли знакомым. Портрет был художественный, тень наполовину скрывала лицо, но я сразу поняла, что откуда-то знаю этого человека. И думаю так до сих пор. Это все равно что пытаться вспомнить имя второстепенного персонажа из книги, прочитанной много лет назад, или вскрыть собственную генетическую память. Однако именно поэтому я твердо убеждена, что сестру убил Карл.

Я приходила к нему еще два раза, но он так и не согласился на путешествие. Теперь я только о нем и думаю, мысли о Карле копошатся у меня в голове

постоянно, без передышки. Будят меня по ночам. Вечером, лежа в кровати, я чувствую, как его пальцы блуждают по моему телу в поисках пульса.

Мы сидим в обшарпанных деревянных креслах на грязном заднем дворе реабилитационного центра. В углу уютится небольшой огородик, на котором – как с удовольствием сообщил мне Карл – похоронены три кошки и одна белка. Разросшиеся жимолость и плющ обвивают прутья десятифутового забора, образуя плотную непрозрачную изгородь.

– Не понимаю, зачем мне твой так называемый отпуск, – ноет Карл. – Может, ты какая-нибудь сумасшедшая! Между прочим, девяносто процентов добычи в прайд приносят именно львицы. Вчера рассказывали по «Нэшнл джиографик». Надо отдать миссис Ти должное: хоть на кабельном не экономит.

В большом бумажном стакане у него сложносочиненная газировка, которую я смешала по его просьбе: одна часть «Спрайта», одна – вишневой «Колы» и одна – «Доктора Пеппера».

Тут мне приходит на ум новая идея. Я понижаю голос, чтобы в доме, не дай бог, не услышали, и выдавливаю:

– Я должна знать.

Карл спокойно достает из кармана листок желтой бумаги и разворачивает его.

– Объясни толком. Хочу услышать это из твоих уст.

– Я должна выяснить, действительно ли ты убийца. Как твоя дочь, я имею право знать, что за кровь течет в моих жилах. – Первое предложение – чистая правда.

– Ну вот видишь, совсем не трудно, да? Итак, мы выяснили, что укреплять семейные узы и дышать свежим воздухом никто не намерен. Будь ты действительно моей дочерью, ты бы сообщила мне это в самом начале. Начала бы рассказывать, как боишься за своих будущих детей – не родятся ли они маньяками. Лила бы слезы. А потом убежала бы отсюда без оглядки. Так сделала бы на твоём месте любая нормальная девушка.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же закрываю. Карл прав. Я – не нормальная девушка. А он на удивление ясно мыслит – для разнообразия. Даже перебивать его не хочется.

– На всякий случай обращаю твое внимание, что это абсолютно бесполезно, – продолжает он. – Я ничего не помню. Время от времени сюда заглядывает один коп. Думает, я ему лапшу на уши вешаю. Если он не в силах взломать мою память, где уж тебе!

Какой коп? Я его знаю? – проносится в голове, и на секунду я ощущаю на своем теле пальцы другого мужчины.

– У меня есть план. Я попытаюсь встряхнуть твою память, – продолжаю упрасивать я. – Мы посетим несколько мест, посмотрим кое-какие фотографии. Разве ты сам не хочешь знать про себя правду?

– А зачем? Хотя... надо признать, ты гораздо симпатичнее того копа. Эдакая юная львица на охоте.

Карл разглаживает на широком подлокотнике желтый листок, который только что достал из кармана. Слов мне не видно, но я замечаю, что моя шариковая ручка не лежала без дела. Наконец Карл поднимает листок к лицу, как прилежный ребенок. Бумага слегка трясется в его руках.

Он начинает читать вслух, и тут я понимаю: он принял решение давным-давно.

Карл зачитывает список условий. Перечень того, что я должна предоставить ему в обмен на совместную поездку.

Сладкий черный чай по рецепту покойной бабушки.

Книги.

Лопату.

Список довольно длинный. Я перестаю слушать примерно на середине: обдумываю свой следующий шаг. Как лучше подкатить к миссис Ти, чтобы она

отпустила Карла? Я уже говорила ей, что в моем свидетельстве о рождении в графе «Отец» написано «неизвестен» и что я нашла Фельдмана в базе ДНК. Надеюсь, она не потребует предъявить документы...

Закончив читать, Карл великодушно произносит:

– Заранее можно ничего не покупать, заедем в пару магазинов по дороге.

Он аккуратно складывает бумажку и прячет обратно в карман джинсов.

– А ты странная. И совсем еще маленькая. Интересно, почему ты меня не боишься? Вдруг я убью и тебя?

Мои условия

Камера

Острая сальса с призрачным перцем

Сладкий чай (ежедневно)

«Дейри куин»

«Уотабургер»

«Красный рубин»

Новые щипчики для ногтей

1015

Рубленая свинина

Голова младенца

Малшу

Блуждающие огни

Пуховая подушка

ГШ

Титос

Ящик «Шайнера»

Туристические ботинки

Веревка

Лопата

«11/22/63» (Стивен Кинг)*

«Одинокий голубь»*

«Улисс»*

Мексиканский «Доктор Пеппер» без сахарозаменителей

Часы с водозащитой 300 м

Фонарик

WD-40

«Нью-Йорк таймс»

Пищевая пленка фирмы «Глэд»

Библия

*только в переплете!!!!

День первый

Мой блокнот с советами по выживанию.

Составлен в возрасте 8 лет.

Как быть такой же храброй, как сестра

1. Вести этот блокнот.
2. Изучать свои страхи.
3. Испытывать их на прочность.
4. Тайком сбегать из дома через окно, как она.
5. Ничего не бояться.

Я полна надежд: от радости голова идет кругом. Он пакует чемодан и едет со мной! Идеальные квадраты сложенных футболок, носки свернуты рулончиками и убраны в полиэтиленовый пакет. Пограничное обсессивно-компульсивное расстройство личности, гласили заключения двух психиатров. Карл кладет в чемодан спортивные штаны и две пары пижамных брюк.

Комод в этой узкой голубой комнате пустует, шкаф похож на скелет – голые «плечики» вместо ребер. Карл сложил в чемодан всю одежду, которую привез с собой в эту дыру для престарелых уголовников, но не заполнил его даже наполовину.

Где же его вещи? Сразу после суда – после оправдательного приговора – Карл продал дом и исчез на шесть лет. Ходили слухи, у него есть тайное убежище, пресловутая «хижина в лесу». На это намекал автор статьи «Темная комната», напечатанной в одном глянцево-м журнале – весьма меткий заголовок для материала о фотографе-документалисте и по совместительству серийном убийце.

Миссис Ти стоит на пороге и наблюдает за мной – эдакий недовольный сержант в застиранном фартуке. Я уламывала ее целую неделю. И уломала. Но вместо четырнадцати дней она дала мне десять.

– Вы ведь не передумаете, а? – говорит миссис Ти, прерывая мои мысли. «Ти» – это первая буква сложной польской фамилии с кучей согласных. Устав слушать, как люди ее перевирают, она теперь всем представляется именно так.

Миссис Ти уже не раз давала мне понять, какая она храбрая – дает приют преступникам и маргиналам, «как повелел Иисус». Если честно, я презирала ее до последнего. Но две недели назад я проходила мимо одной комнаты и случайно увидела, как она обнимает старушку в фате. Обнимает и успокаивает. Не волнуйтесь так, ваш ненаглядный вернется с войны аккурат к свадьбе.

– Все будет хорошо, – отвечаю я.

– Десять дней – не так уж и мало, как кажется. Еще раз повторяю: не забывайте давать ему лекарства от трясучки. У него иногда случаются приступы. Но редко. – Она показывает пальцем на прозрачный пакетик с лекарствами,

который я держу в руках. – Он вам будет врать, учтите. Вечно все забывает. Пропуск лекарств ни к чему хорошему не приведет, вы сами видели на прошлой неделе. Сколько вам лет, еще раз? По-моему, вы слишком молоды, чтобы быть ему дочерью. Девятнадцать? Двадцать? Маловато. Надо бы вывести вас на чистую воду...

Так давай, говорю я мысленно, выводи. Останови меня. Кто-то, наверное, должен.

– ...но я, так и быть, вам поверю. Вижу, что сердечко у вас доброе. Только не забывайте наш уговор. Обойдемся без бюрократии. Не хватало еще, чтобы нам сократили финансирование – эти скряги из комитета каждый месяц приходят с проверками и всех пересчитывают. Государство думает, раз у нас «дом на полпути», так и денег нам нужно вполтину меньше. – Она любит эту фразочку, то и дело с противной ухмылкой вворачивает ее в разговор. – ...только они никак не поймут, что шесть полупсихов – хуже, чем двенадцать полноценных. Одна половина головы у них соображает как надо. Хитрые черти! Мечтают удрать отсюда за пончиками и текилой. А вторая половина витает бог весть где, в далеком прошлом. Забот с ними не оберешься. Верно, мистер Фельдман?

Я в который раз молча выслушиваю ее разглагольствования. Карл сворачивает рулончиком рождественский галстук и прячет его в угол чемодана, рядом с нижним бельем. Слава богу, не надел! Нам лучше не привлекать лишнего внимания.

Час назад (Карл думал, я увлечена беседой с хозяйкой и не слежу за ним) он закопал свои десятифунтовые гири на заросшем сорняками огороде. Куда он дел остальные сокровища – понятия не имею. Разберусь потом.

Нож, чтобы испаривать кожу, точно листок бумаги, и пускать клубничный сироп. Длинные красные эспандеры, чтобы накинуть на шею и задушить. Зажигалка с буквой «Н», которая до сих пор горит: прежде чем спрятать ее обратно, я полюбовалась голубым огоньком.

Фотография девушки в пустыне, от которой у меня пересыхает в горле.

– Уж не знаю, чем вы будете заниматься в этом своем путешествии, – говорит миссис Ти, – но не ждите, что оно поможет вам укрепить семью.

– Папа склонен к насилию? Нападал здесь на кого-нибудь? – спрашиваю я. Карл стоит в шести футах от меня, и я хочу, чтобы он это слышал. Слово «насилие» не встречалось мне ни в одном из ежедневных отчетов миссис Ти – по крайней мере в тех, что она мне показывала.

– Вы же сказали, что ознакомились с историей! – Она вытащила меня в коридор, и теперь на ее лице отражается лихорадочная работа мысли. – Так, слушайте. До конца месяца я сдала его комнату племяннику. За деньги.

Ага, насчет таинственного копа можно не волноваться. Если к Карлу действительно ходит какой-то полицейский, у миссис Ти есть свои веские причины его не пустить.

Она продумывает, как выкрутиться из сложившегося положения. Боится, что я дам задний ход. Я ведь любопытная, вечно всем интересуюсь. На что пойдут вырученные деньги, миссис Ти? Уж точно не на мебель фабрики «Гудвил», не на тушенку, бобы и самую дешевую арахисовую пасту, не на две уборные с ржавыми поручнями для инвалидов и не на «Ридерз дайджест», приклеенный скотчем к стене.

В этом доме новыми и крепкими выглядят только замки на входной двери и на шкафчиках с медикаментами. Телевизор покупали недавно, но он без торговой марки, работает четырнадцать часов в сутки и непрерывно издает предсмертный вой. Мне хочется подать на миссис Ти жалобу, однако лишние проблемы сейчас не нужны. Я планирую незаметно проскользнуть в ее жизнь и так же незаметно выскользнуть обратно.

Да и куда денется старуха в фате? Кто будет ее обнимать?

– Мы едем точно, – заверяю я хозяйку. – Мне просто интересно, не нападал ли он здесь на кого-нибудь с тех пор, как поступил.

– Смотря, что вы имеете в виду. Для этого сброда я планку не завышаю. Не обо всем докладываю, понимаете? Но с Карлом здешние обитатели почти не ссорятся. Чуют, что с ним шутки плохи. Да и его странных дружков никто не любит. – Она хихикает.

Опять новости! Какие еще дружки? Ни Карл, ни миссис Ти раньше не говорили, что у него бывают другие посетители. То есть его могут хватиться? Нет, сейчас нельзя об этом думать.

Карл достает из-под подушки что-то блестящее и металлическое, тут же прячет это в чемодан и захлопывает крышку.

– Я готов!

На нем «ливайсы», синяя рубашка, потертый кожаный ремень и тяжеленные сапоги-костоломы. Самая дорогая его вещь (уж я-то знаю, я обыскала эту комнату вдоль и поперек). Желание Карла произвести впечатление одновременно пугает меня и радует.

Он даже не пытается скрыть, что с нетерпением ждал поездки.

Ну да ничего. Я подготовилась.

– В последний день месяца чтобы были здесь как штык, – повторяет миссис Ти и поворачивается к Карлу: – А вы, мистер Фельдман, губу не раскатывайте: свобода вам больше не светит. Считайте, из гостиницы миссис Ти вас отпустила первый и последний раз.

Она провожает нас к выходу. Там уже выстроилась шеренга из бывших преступников: двое мужчин и три женщины. Одна фата, одна бейсболка «Чикаго Кабс», пара пушистых розовых тапочек, один голый торс, одна гавайская рубашка с пальмами. Двое убийц, один поджигатель, один педофил, один насильник. Все психически неуравновешенные или с диагнозом «деменция»: я изучала в Интернете информацию о судебных слушаниях по их делам, звонила социальным работникам, сплетничала после отбоя с поддатой миссис Ти.

Самая приятная из ее подопечных – в розовых тапочках. Она застрелила зятя через пять дней после того, как он жестоко изнасиловал и избил ее дочь. В семьдесят четыре она вышла на свободу, но к тому времени дочь уже лежала в могиле – некому оказалось застрелить ее очередного нерадивого муженька.

Миссис Ти наклоняется и, обдавая меня жарким дыханием, тихонько шепчет на ухо:

– Он будет клянчить у вас фотоаппарат. Вы ведь понимаете, что это плохая идея? В экстренном случае пусть примет таблетку из пузырька с красной крышкой. И передайте от меня привет Флориде.

Она накрепко запирает за нами дверь. Дело сделано.

Бесконечное бирюзовое море. Соль во рту и на коже. Никаких часов.

Вот только планы у меня совсем другие. И Карлу это известно.

Он уже обогнал меня футов на пятьдесят и одобрительно присвистывает, разглядывая наш черный «Бьюик». Я не говорила, что взяла машину в аренду (и что очень скоро мы сдадим ее обратно). Когда все закончится, Карл не сумеет меня выследить ни при каких обстоятельствах. Я стану лишь одним из миллиона перышек в его голове, которые он все ловит, ловит, но никак не может поймать.

Открываю багажник и нагибаюсь за чемоданом. Карл, даже глазом не моргнув, сам поднимает чемодан и закидывает его в багажник. Захлопывает дверцу. Я не удивлена. Он очень сильный и уже стал на пару дюймов выше, чем казался у миссис Ти. Выше и грознее. В отчете о приеме жилья миссис Ти указала его рост: пять футов одиннадцать дюймов. В старых полицейских отчетах стоят цифры 6’3”. И там, и там говорится, что через неделю ему исполнится шестьдесят два.

Карл открывает заднюю дверь и напоследок окидывает взглядом тюрьму миссис Ти – двухэтажный викторианский дом, покрытый, словно чешуей, облупленной серой краской. Соседские дома похожи на вылизанные дочиста рыбы скелеты.

В одном из окон на втором этаже открывается ставня.

Карл жизнерадостно салютует двумя пальцами.

Паралич левой руки. Признаться, я очень рассчитывала на эти убедительные слова из медицинского заключения. Но Карл только что легко и непринужденно

отсалютовал кому-то левой рукой. До сих пор в моем присутствии он все делал правой – и ею же он сейчас придерживает дверь машины.

Я подхожу, захлопываю заднюю дверь и открываю переднюю.

– Назад тебе нельзя, поедешь впереди. Сюда... – чуть не добавила «пап». Сюда, пап. Нормально я вошла в роль.

– Да я просто из вежливости.

Карл садится вперед, опускает стекло, с одобрением отмечает его мягкий и бесшумный ход. Снова поднимает. Опускает. Будто пробует свободу на вкус.

Затем кладет на консоль знакомый желтый листок.

– Это список условий. На случай, если ты забыла.

– Не забыла и не забуду.

Завожу машину. Трогаюсь. Полжизни я готовилась к встрече с Карлом, но теперь меня охватывает ужас: вдруг десяти дней окажется мало?

5

Рейчел врала маме.

– Я же пообещала, мы никуда не пойдем! – Каждое слово туго набито яростью.

Моя сестра вынуждена торчать дома из-за меня. Ее не отпустили к подруге с ночевкой, потому что родителям срочно понадобилось посетить свадьбу близкого (дважды разведенного) друга, а оставлять меня одну нельзя.

И вот, как и следовало ожидать, началась гроза.

Когда родители уезжали, небо было ясным и светлым.

Как только сестра завязала шнурки на побитых жизнью «найках», я поняла, куда она собралась – к огромной подземной трубе рядом с ближайшим ручьем, где она частенько искала «сокровища». Паводки приносили туда всякий мусор. Четырнадцать прыжков по торчащим из ручья валунам – и ты в трубе. Чего мы там только ни находили! Старинную бутылку, серебряное кольцо, даже кошелек с пятьюдесятью размокшими долларами.

Мы уже почти спустились к ручью, когда на воде показались первые круги от дождя – и гнев моментально покинул Рейчел.

– Зря пришли. Идем домой.

Тут мы услышали крик. Внизу, в сотне ярдов от нас, в ржавой подземной трубе стоял и размахивал руками мальчик. Дождь лил стеной, ручей кипел и пенился. Вода в рукотворной пещере поднялась мальчику по колено (обычно там пара дюймов грязи, не больше), и он явно боялся выбираться на берег по камням.

Рейчел властно схватила меня за плечо. Никто не умел так чувствовать мой страх, как она.

– Жди здесь. Ни шагу. Поняла? С тобой ничего не случится, я никогда, никогда этого не допущу.

Не успела я ответить, как она рванула к ручью и в считанные секунды вышла на берег. Я стояла на месте и неотрывно наблюдала за сестрой: та выделявала опасные пируэты, прыгая с камня на камень. Вот только самих камней было не видно, они полностью ушли под воду. Рейчел прыгала по памяти.

Знаю, они с мальчиком перебрались через ручей очень быстро. Но мне казалось, что прошла целая вечность. В какой-то момент мальчик оступился и упал в воду, и остаток пути они прошли вброд. Вода была ему по шейку.

Мы вместе выбрались на дорогу, притихшие и мокрые насквозь. Рейчел шла посередине и держала нас за руки. Мы проводили мальчика домой – он жил неподалеку – и даже не спросили, что он скажет родителям. На прощание он

крепко обнял Рейчел и сказал «спасибо». С тех пор я его больше не видела.

Мы с сестрой оставили тот случай в тайне. Домой мы пришли задолго до возвращения родителей, Рейчел сразу же забросила меня в душ, сварила какао, выдала мне одну из своих мягчайших футболок и сунула меня под одеяло.

– Спишь? – спросила я ночью черную пустоту между нашими кроватями.

– Да, – сонно ответила Рейчел. – Что такое?

– Я думала, ты умрешь. Пожалуйста, не умирай. – Я сдавленно всхлипнула.

Рейчел залезла ко мне под одеяло и крепко обняла. По сей день, сворачиваясь в клубок, я ощущаю на спине тепло ее тела.

Наверное, с каждым в детстве случалось что-то подобное. Беда в тот раз прошла мимо. Может, ручей был не такой уж глубокий и бурный, расстояние между камнями не такое уж и большое, и Рейчел ничто не угрожало.

Одно я знаю точно: в тот вечер моя сестра ходила по воде.

6

Я аккуратно разложила фотографии на письменном столе гостиничного номера: по пять в ряд. Широко раскрытые глаза и закрытые. Детские ножки и желтые зубы. Отрезанные головы и бегущие ноги. Некоторые снимки не имеют отношения к делу; я подложила их нарочно, чтобы отфильтровать заведомую ложь. Другие – молчаливые свидетели страшных дел. Один лишь Карл способен развязать им язык.

Это его первое испытание. Проведя пару часов в машине, он нетерпеливо ерзает в кресле перед телевизором – видно, мечтает в кои-то веки посмотреть любимые передачи в спокойной обстановке, не препираясь с другими жильцами.

Всего на столе лежит двадцать фотографий. Никаких художеств, простые снимки без затей. Еще штук пятьдесят ждут своего часа в ярко-зеленом пластиковом контейнере фирмы «Таппервер» в багажнике моей арендованной машины.

Семейные пикники и дни рождения, сочельники и пасхи, выпускные и свадьбы. Когда я вижу счастливые лица на фотографиях, то сразу представляю, как под красивым внешним слоем копошатся черви. Папаши-драчуны, неверные жены, подарки для галочки. Тухлые яйца.

– Вот я. – Показываю Карлу девочку, с наслаждением вдыхающую кукурузный аромат двух щенят, которых папа разрешил нам взять из приюта. Я назвала мальчика Крекером, потому что он был цвета печенья, и Рейчел тут же окрестила девочку Подливкой.

Карл даже бровью не ведет. Я отодвигаю блокнот с рекламной брошюрой мотеля (на которой без тени смущения написано: «Долларовый мотель Уэйко: хоть на минуту, хоть на месяц!») и нарушаю идеальные ряды фотокарточек.

– Это ты в колледже. – Показываю ему фото с пятью парнями в футболках братства «Каппа Альфа» и с бутылками светлого «Будвайзера» в руках. – Ты крайний справа.

Он недоуменно заглядывает мне в глаза. Я нагло вру – понятия не имею, что это за парни.

Беру со стола еще один снимок.

– Это дядя Джим и тетя Луиза во дворе своего дома. – Правда. На обратной стороне карточки кто-то вывел карандашом: Дядя Джим и тетя Луиза.

– Паршивый у них дом, – замечает Карл. – Они умерли? Если нет, то наверняка мечтают поскорее сдохнуть.

Скоро десять вечера – не лучшее время для начала работы над моим «проектом», особенно если у Карла сейчас начнется «закат», как пишут в медицинских учебниках. Бесит это слово! Деменция не имеет ничего общего с

красивым закатным небом. Это туманная мгла на берегу океана, бесконечная полуночная пробежка по пляжу и маньяк, который крадется за тобой по песку. Самое меткое слово для обозначения подобных состояний – «стивенкингство».

Но сегодня мне очень хочется разворошить осиное гнездо. Мы уехали от миссис Ти только в шесть вечера и потеряли почти целый день. По пути из Форт-Уэрта, где находился реабилитационный центр, до самых окраин Уэйко Карл спал (или притворялся спящим). Потом он молча умял огромный ужин в «Дейри куин» (только пожаловался, что сладкий чай на вкус напоминает воду из ручья, перемешанную с кленовым сиропом).

А ведь я точно знаю, что он любит стряпню «Дейри куин». Посещение этой закусочной шло под номером 4 в его списке условий. Пока я делала заказ малолетней худышке за стойкой, Карл сидел и пялился на меня. Не просто смотрел, а сверлил ледяным расчетливым взглядом. Оценивал, прикидывал – строил планы, короче.

Он принимается складывать карточки в ровную стопку.

– Не мотель, а дыра.

– Дареному коню в зубы не смотрят! – огрызаюсь я. В учебнике это было под строгим запретом.

Два дня назад я сняла со своего счета четыре тысячи долларов. Тогда эта сумма казалась мне целым состоянием. Две тысячи из них свернуты рулончиками и спрятаны в запаске, еще пятьсот баксов я засунула в запертый на кодовый замок чемодан, в сетчатый карман с нижним бельем. Остальное лежит у меня в бумажнике, рядом с кредитками на мое настоящее имя. Пользоваться ими в этой поездке я не планирую, разве что совсем припрет.

Но я уже волнуюсь. Мысленно считаю расходы. 12,62 доллара мы оставили в «Дейри куин» – за сэндвич с жареным цыпленком, картошку фри и чай со льдом. 100,29 доллара за два почти пустых номера в мотеле с колючими синтетическими простынями и бежевыми пластиковыми вкладышами в ваннах. 38,66 доллара за бензин (я взяла себе за правило никогда не садиться за руль, если бензобак не заполнен хотя бы наполовину; полбака – это мой абсолютный минимум).

Еще три тысячи долларов со счета я потратила несколько дней назад в Хьюстоне. Отдала наличные стильному студенту, с которым встретила на задворках индийского ресторанчика в районе Райс-Виллидж. В жизни он производил совсем другое впечатление: эдакий студент-отличник престижной бизнес-школы или медицинского университета, которого не переплюнуть даже молодым азиаткам (между прочим, это самая настоящая мафия в современных медах).

Нашла я его в даркнете, где тараканы мировой паутины обстряпывают свои темные интернет-делишки. За три минуты я скачала специальный поисковик, открывший мне дверь в подпольное царство и позволивший скакать, подобно школьнице, среди террористов, торговцев оружием, либертарианцев и юных предпринимателей.

Год назад одна парикмахерша по имени Тиффани, у которой были «проблемы с парнем и кредитками», рассказала мне о нелегальном сайте, где она собиралась купить себе новую личность (по имени Лола или Франческа). Мы испытывали новый (иссиня-черный) оттеночный шампунь, так что слушала я вполуха.

В тот салон я больше не ходила, зато благополучно ввела упомянутый парикмахершей пароль («ramperzzz») на сайте tommyzhelper.com. Для такой осматрительной девушки, как я, это был большой риск – пойти по наводке некой Тиффани. По другую сторону экрана меня мог ждать кто угодно: похититель младенцев или маньяк, которого хлебом не корми – дай подрочить на грязный подгузник. Как я могла быть уверена, что все сигналы, посылаемые в даркнете, действительно скажут от сервера к серверу, будто кузнечики под кайфом, и отследить их нельзя?

Практически в ту же секунду на экране выскочило диалоговое окно: «Привет, я Том – ваш техасский помощник. Поменять вас?» Каламбур со сменой подгузников/личности я поняла только спустя несколько дней, уже после того, как сделала три выстрела в темную паутину. Мне сказали, что забрать товар можно в Хьюстоне.

На встречу я привезла полиэтиленовый пакет из «Сабвея»: внутри были рулончики двадцаток и сэндвич с ветчиной, салатом, майонезом, маслинами, зеленым перцем, халапеньо и швейцарским сыром – по заказу Тома. В обмен на это он дал мне крафтовый конверт с тремя поддельными водительскими

правами, тремя карточками «Мастеркард» и тремя новенькими тexasскими номерными знаками. Три – мое счастливое число.

– Кинул вам туда «Ларри Джи». На дорожку. – Том показал пальцем на конверт. – Маленький комплимент для любимых клиентов. Если пустите слушок – буду благодарен.

Я не знала, что такое «Ларри Джи» – какой-нибудь комикс для взрослых или CD с заунывной музыкой? У меня и так накопилось к Тому немало вопросов. Как же ты не боишься загреметь в тюрьму? Неужели не понимаешь, что можешь все испортить навсегда? Впрочем, те же самые вопросы я постоянно задаю самой себе.

Не успела я подкинуть парню немного пищи для размышлений, как он тронул меня за плечо и посоветовал:

– Если заметите, что вас заподозрили во вранье, – не паникуйте. – Он вновь показал пальцем на конверт. – Фотка, где вы блондинка, – самая неправдоподобная.

От прилива нежных чувств и благодарности к этому небезразличному человеку у меня тут же вспыхнули щеки. Мимолетная близость – как с врачом, который видит тебя в одноразовом больничном халате и ласково кладет руку тебе на плечо, но при встрече ни за что не узнает. Тепло держалось еще долго, пока Том не скрылся среди стоящих в пробке машин.

Уже спустя несколько часов я благополучно воспользовалась первым набором липовых документов: водительскими правами и кредиткой на одно и то же имя. Арендовала машину у легкомысленной агентши «Ависа» в аэропорту Далласа/Форт-Уэрта. Подозреваю, одурачить полицию будет не так легко. Никогда не превышай скорость – еще одно мое правило в этом путешествии.

Номера я поменяла чуть позже, на парковке «Уолмарта», по пути из аэропорта к миссис Ти. Первую липовую кредитку я разрезала на несколько острых кусков с неровными краями, а потом, с перерывами в тридцать секунд, стала по очереди выбрасывать их в окошко. Да, я параноик, ну и что? Мне еще хочется пожить после того, как все это закончится. Через десять дней – хотя нет, уже через девять.

Нам придется покупать бензин, еду и каждую ночь снимать два гостиничных номера, сколько бы они ни стоили – спать с ним в одной комнате я не буду ни при каких обстоятельствах. Придется включить в список трат несколько вещей, о которых я не подумала заранее. Карлу надо постричься, купить кроссовки, туалетные принадлежности и так далее. В последний момент он добавил в свой список несколько новых условий. Ну, и нельзя забывать про «Разное».

Всякий раз, когда в детстве я составляла какие-нибудь сметы и бюджеты, папа обязательно напоминал про пункт «Разное». Интересно, что это будет на сей раз? Взятки? Дополнительные пули? Повязки? Лопаты? Красные лакричные конфеты и подсолнечные семечки со вкусом маринованных огурчиков, которые он захочет покупать в каждом придорожном киоске «Бакис»?

Фотографии вновь лежат аккуратной стопкой. Карл почти и не смотрел на них, только разложил по размеру – от самой большой до самой маленькой. Наверху оказалась прямоугольная – аккурат с окошечко в бумажнике – школьная фотография мальчика с сонными глазами и неровным пробором. Александр Лакински, сын Николь Лакински. Именно за похищение этой женщины из городского парка Уэйко Карла и судили. Маленький Александр остался один в парке, причем со сломанной рукой. Говорил, что упал с качелей. Свою мать он с тех пор не видел.

Карл встает.

– Можно мне в свою комнату, мэм? – Он уже почти дошел до двери, которая будет разделять наши спальни этой ночью.

– Ты обещал, Карл.

– Что обещал?

– Попытаться. Ты обещал попытаться! Сказал, что не помнишь содеянного, но хочешь вспомнить. Что моя идея тебе по душе... Ладно, забей. Только обязательно прими таблетки, ладно? Я сейчас принесу, они у меня в сумочке.

Он тербит дверную цепочку с моей стороны, ласково водя ее из стороны в сторону. Оценивает. Строит планы.

– Ты должен принять таблетки, Карл. Мы договорились. Не будешь пить лекарства – мигом вернешься к миссис Ти смотреть передачи про насекомых на «Дискавери».

– А ты знала, что комнатные мухи жужжат в тональности фа? – осведомляется он. – Таблеточки приму с удовольствием!

Снизолел. И на том спасибо. Карл отлично знает, что я вру: сдаваться в первый же день поездки не входит в мои планы.

Как-то раз он сказал, что мои серые глаза ему кого-то напоминают. Дым и зеркала – что у одной, что у другой. Хрен прочитаешь ваши мысли. У Рейчел были зеленые глаза с золотинкой.

Я заметила, что Карл умен и совершенно нормален в большинстве случаев: будь то за игрой в шахматы, в закусочной «Дейри куин» или на заднем дворе у миссис Ти за стаканчиком чая со льдом, который напоминал по вкусу «триаминик» (понятия не имею, что это такое).

Раньше Карл был прекрасным актером. Его глаза напоминают мшистое болотце с одной из его собственных фотографий. Полиция неоднократно проводила там раскопки (там и еще в нескольких местах), пытаясь доказать причастность Карла Фельдмана к исчезновениям девушек в штате Техас. Но копы очень быстро сдались.

Карл знает, что я наврала ему об истинной цели нашей поездки. Он ни на йоту не поверил в сказку о неизвестно откуда взявшейся дочке-сыщице, которая мечтает разгадать черные тайны своей наследственности. А когда разгадает – просто уйдет. Ну-ну.

Карл по одной заглатывает таблетки, не запивая, хотя я предложила вскрыть пачку одноразовых стаканчиков с комода и налить воды из-под крана.

В принципе я могла бы рассказать всю правду – о нестерпимом зуде, который вызывает его лицо в моем мозгу. О том, что лишь по вине этого зуда я считаю его убийцей сестры. Рейчел обещала заплести мне французский «колосок», когда вернется. И еще она собиралась стать знаменитой актрисой. Когда-нибудь

у меня должна была родиться племянница по имени Софрония.

Не поддавайся чувствам.

Пусть его разум попляшет.

Все-таки Карл – любопытный человек.

И пусть вопрос «почему» будет ниточкой, которая заставляет его разум плясать.

Он уже по ту сторону двери и начинает что-то напевать себе под нос.

7

Я слегка приоткрываю дверь. Из моей комнаты в его комнату, словно хлорка, проливается немного света. Лучик ползет по полу и забирается на полосатое покрывало.

Скоро полночь. Я боюсь, что если открою дверь чуть шире, свет упадет ему на лицо и разбудит его.

В самом ли деле он проглотил розовую таблетку снотворного? Или спрятал ее за щеку, а потом выплюнул? Глупо относиться к нему, как к ребенку... Но именно так мне советовала миссис Ти: Относись к нему, как к ребенку.

Я просачиваюсь в щель, задевая животом дверную ручку. Прикрываю за собой дверь, чтобы она не щелкнула. Я совершенно неподвижна, даже не дышу – привыкаю к темноте. Шторы плотно задернуты, и мне почти ничего не видно. Кондиционер под окном тарахтит, как трактор при смерти. В нос ударяет запах плесени и грязных носков, эдакое «пошли все на» от здешних горничных, которым платят за работу сущие гроши.

На кровати никто не шевелится вроде бы. В темноте не разберешь. Ревущий кондиционер играет на руку одновременно и мне, и Карлу.

Сидя у себя в комнате и слушая твяканье телеведущей про палтуса в кляре, я потренировалась целых шесть раз. У нас с Карлом смежные номера, одинаковые, как тюремные камеры. От той точки, где я сейчас стою, до изножья его кровати ровно десять шагов. Я бесшумно преодолеваю это расстояние. Встаю коленями на шершавый ковролин. Поднимаю покрывало, засовываю голову под кровать и свечу туда крошечным фонариком.

Мои труды оказались не напрасны. Под кроватью валяется несколько крошек попкорна, облепленная пылью и волосами пустышка с Микки-Маусом и чемодан Карла. Больные с деменцией и обсессивно-компульсивным расстройством редко отказываются от привычек. Серийные маньяки тоже. По меньшей мере одна из этих характеристик относится к Карлу, а может, и все три.

Я ложусь на живот и подползаю к чемодану. Он лежит под правой стороной кровати: значит, меньше риск потревожить Карла на обратном пути. Он всегда спит слева. У миссис Ти я не раз замечала характерную вмятину на его подушке, и эту же особенность зачем-то упомянула в суде его приходящая уборщица Ирма. Она работала на Карла в Форт-Уэрте, где он раньше жил – примерно в шести милях от нашего дома. Ну, разве серийные убийцы нанимают уборщиц? – небезосновательно вопрошал присяжных адвокат Карла.

Ирма, жившая в полном одиночестве (если не считать коллекции натертых до блеска фарфоровых свинок на зеркальных полках), ничего полезного мне не сообщила. Она явно питала теплые чувства к Карлу, платившему ей двадцать пять долларов в час. Дома у нее пахло капустой. Помню, как я долго разглядывала одну свинку, стоявшую в самом центре полки, – одно белое ухо у нее было отколото, а по шее тянулась длинная трещина. Ирма явно приложила немало сил, чтобы ее спасти. Что могла рассказать эта свинка о своей хозяйке? Быть может, это был подарок от дорогого человека и выбросить разбитую статуэтку у нее рука не поднялась?

Спустя час бессмысленных расспросов Ирма попросила меня уйти – хотела поскорее вернуться к самой интересной части любовного романа. «В этих книжонках секс каждые пятьдесят страниц как по часам, – сообщила она. – Такое правило».

Я выключаю фонарик и поднимаю чемодан за ручку. Один-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь шагов до ванной комнаты. Плитка под ногами холодная и липкая.

Плотно затворив дверь в ванную (до щелчка), я кладу чемодан на коврик и открываю. Застежка-молния гремит, как бензопила. Я замираю на добрые две минуты – не проснулся? Точно? Затем свечу фонариком на аккуратные стопки с одеждой. Аккуратные и жуткие.

Наверху лежит одна из сковородок миссис Ти – видимо, это и есть тот блестящий предмет, который Карл успел заныкать в чемодан перед отъездом. Принимаюсь ощупывать все закоулки и карманы, рыться между слоями одежды. Нащупываю мягкие уголки фотографии из пустыни – с девушкой и ключом. Зажигалки, ножа и красного эспандера нигде нет. Я уже не раз представляла, как этот эспандер обвивает мое горло.

Изначально я собиралась выкрадывать сокровища по одному – в надежде, что Карл забудет про них или решит, что потерял.

Вряд ли он выбросил их по дороге. Нет, он спрятал их здесь, в номере, в крошечной темноте...

Карл выиграл еще один раунд.

Меньше чем через минуту я уже стою возле двери, разделяющей наши номера. Чемодан благополучно лежит на своем месте, а я готова вернуться на свое.

Шорох. Не с кровати, с другой стороны.

Он не спит.

Мое сердце начинает громко и напряженно стучаться о ребра.

Я мысленно рисую план своего номера, чтобы представить расположение предметов в его комнате.

Карл сидит в самом темном углу, на пластиковом стуле «цвета “Дримсикл”», как он сказал пять часов назад, когда мы вошли в номера. А потом добавил «Дримсикл» в список условий. После его красочного описания апельсиново-ванильной прохлады во рту мне даже захотелось попробовать это мороженое.

Изо всех сил дергаю ручку. Дверь открывается только на два дюйма. Карл задвинул цепочку.

Оборачиваюсь. В темноте ничего не разглядеть, только черные тени. Поэтому воображение само дорисовывает картинку: Карл наставил на меня блестящий предмет. И этот предмет – пушка. Вот только зачем ему поднимать шум среди ночи?

Из угла не доносится ни звука, в комнате стоит зловещая тишина. Я закрываю дверь, потому что выбора у меня нет. Интересно, за сколько прыжков Карл одолеет комнату? И накинёт мне на шею красный эспандер или пырнет ножом... Предаваясь этим размышлениям, я лихорадочно пытаюсь снять с двери хрупкое ожерелье.

И вот я вваливаюсь в свою комнату, захлопываю хлипкую дверь и терзаю цепочку, пытаюсь дрожащими пальцами передвинуть ее в нужное положение – получается только с третьего раза.

Прижимаюсь ухом к дереву. Вой кондиционера перекрывает все прочие звуки.

Пошатываясь, захожу в ванную. Зрачки у меня огромные и будто стеклянные – у Рейчел глаза были совсем другие. Снова и снова обдаю руки горячей водой, чтобы они перестали дрожать. Потом возвращаюсь в спальню и вырубаю телевизор. Поправляю шариковую ручку и Библию на письменном столе. Схватив с пола грязную одежду, принимаюсь мучительно раскладывать вещи по ящикам комода. Что угодно, лишь бы чем-то занять руки и скоротать ночь.

В какой-то момент я поднимаю крышку чемодана и с трудом сдерживаю крик.

Карл оставил мне подарочек.

На самом верху лежит шарф, украшавший очаровательную шейку Лолиты.

Несколько секунд я не дышу. Розовые и белые улитки невинно маршируют по черной материи, их улыбки похожи на крошечные завитые реснички.

Я невольно вспоминаю другой отрез ткани – тот, что колыхался в воде на одной из фотографий Карла. И пропавшую девушку по имени Виолетта. Я инстинктивно оборачиваюсь на дверь: цепочка на месте. Ручка не шевелится. Из чемодана поднимается сладкий и юный аромат Лолиты, рождающий в моей голове беззвучную, истеричную молитву: только бы она была жива, только бы я своей выходкой не разбудила спящего зверя.

Иду в ванную, растягиваю шарф и подношу к свету – на каждой жизнерадостной улитке ищу следы крови. Их нет. Только маленькое пятнышко от горчицы и карандашная черточка.

Я представляю себе мускулистый узел на предплечье Карла. Его ухмыляющееся лицо, когда он слышит мой сдавленный крик из-за двери. Его натянутое, как струна, тело: он сидит в кромешной тьме и ждет. А потом выдергивает этот шарф у меня из рук и затягивает, затягивает на моей шее, пока перед глазами не начинают плыть сияющие солнечные пятна – предвестники смерти. Может, сперва выкуришь сигаретку, дорогая?

Я сворачиваюсь клубком в постели и стискиваю кулаки.

Ох, как мне нужна сестра.

8

В третьем классе у меня появился первый секрет от сестры.

Рейчел было пятнадцать, она вечно торчала в театральной студии – корчила там глупые рожи и заигрывала с мальчиками. Мне было одиноко. Я всего боялась. По телику в ту пору пугали сибирской язвой и нападениями акул на людей.

Еще я была странная, суеверная. Несмотря на все усилия Рейчел (она каждое утро делала мне прическу, как у себя, и придумывала, в чем мне идти в школу), одноклассники это пронюхали. Рюкзак у меня был походный, защитного цвета (в тайном кармашке хранился блокнот с советами по выживанию), а не блестящий розовый ранец с веселой мордашкой Лиззи Магуайр. Однажды учительница

принесла в класс черного котенка: я тут же перекрестила сердце и плюнула через плечо – прямо соседу на парту.

Мама за меня волновалась. Она прибила на стену в моей комнате репродукцию Матисса, утверждая, что эта жизнерадостная и яркая картина отпугнет всех призраков, которых я себе навывдумывала. Она не догадывалась, что по ночам я буду тревожиться за рыбок – а вдруг желтый кот их все-таки выловит? Я проснусь, а рыбок нет, и вода в аквариуме красная... «Le chat aux poissons rouges». Даже название картины звучало зловеще.

Месяц спустя я обнаружила на чердаке старинную фотографию в конверте, скотчем приклеенную снизу к ступеньке лестницы. Мама отправила меня наверх с фонариком – искать рождественский венок в виде снеговика, который мы каждый год вешали на входную дверь. И я заметила уголок конверта, торчащий сквозь трещину в деревянной ступеньке. Сперва я решила, что в конверте лежит инструкция по использованию чердачного вентилятора или печки. Прежняя хозяйка дома, пожилая женщина, всюду приклеивала конверты с инструкциями – под выдвижные ящики, с внутренней стороны дверец. Мы с Рейчел не теряли надежды когда-нибудь найти в таком конверте пачку стодолларовых банкнот.

Однако этот был тонкий и с коричневатыми разводами от влаги. Внутри оказалась фотография двух девочек в лесу примерно моего возраста – эдакие невесты в белых платьях, с шлейфами. И, кажется, близняшки. Одна девочка получилась размытым белым пятном, словно она только что вышла прямо из своей сестры. С обратной стороны карточки растеклось еще одно пятно: подпись синими чернилами. Ни имен, ни даты было не разобрать.

Эта фотография никогда не казалась мне странной. Волшебной, особенной – да. Предназначенной только мне – да. Меня тянуло в эту лесную чащу, как Алису в Страну чудес. Я аккуратно приклеила карточку к задней стенке своего шкафа, где никто не смог бы ее найти. Было совершенно ясно, что эти девочки – мой идеал, образец для подражания. Они гуляют по лесу, ничего не боясь, лазают по высоким деревьям, ловят в банки насекомых, делают «колесо» при любой возможности и нарочно плюются в мальчишек.

То и дело я разводила в стороны висящую в шкафу одежду, словно занавес, – и вот они, мои подружки, ждут, когда я приду с ними поиграть. Я придумывала сказки с их участием. Рисовала их. А иногда притворялась, что это мы с Рейчел,

что между нами нет разницы в шесть лет, что мы девять месяцев пролежали рядышком в утробе матери, а потом в один миг выскочили оттуда навстречу новому миру – и что мне никогда-никогда в жизни не было одиноко или страшно.

В конце концов я нашла себе подружку – застенчивую милую девочку, которая сидела со мной за обедом и ела только оранжевое. У нее тоже были тайны. Например, она таскала еду с кухни и прятала у себя в комнате. Но никогда не ела спрятанное. Однажды я нашла у нее под кроватью растаявшее шоколадное мороженое в нетронутой упаковке. Рядом с ней я чувствовала себя нормальной.

Спустя несколько лет фотокарточка отклеилась от стенки шкафа и упала на дно.

Я позабыла близняшек.

Тогда я понятия не имела, что однажды они приведут меня к убийце Рейчел.

День второй

Мой блокнот с советами по выживанию. Составлен в возрасте 8 лет.

Как не бояться пауков

1. Каждый вечер читать «Паутину Шарлотты».
2. Нарисовать паука в кедах.
3. Подержать игрушечного.
4. Поймать настоящего.

5. Назвать его Барни или Зефирка.

6. Полюбоваться красивой паутиной.

7. Стиснуть зубы и пройти сквозь нее, не закричав.

9

Я распахнула шторы как можно шире, чтобы солнце залило номер. Карл сидит на оранжевом пластиковом стуле, развалившись и вытянув вперед ноги в джинсах и мерзких сапогах из змеиной кожи. Как будто издевается, ей-богу. На лице лениво-благодушное выражение, наверняка одурачившее не одну жертву. Глаза ясные, настроение отличное – словно и не было ничего этой ночью, словно мы встречались не в реальном мире, а в царстве снов.

Около девяти утра Карл шесть раз ударил кулаком в дверь между нашими комнатами. Я как могла растягивала сборы – надеялась, что за это время Карл Фельдман успеет идеально заправить кровать и навсегда исчезнуть из моей жизни.

Прошел всего день, а меня уже посещают такие мысли. Один день.

Про его подарочек я и словом не обмолвилась. Смерть Рейчел меня кое-чему научила: молчание – самый страшный палач.

Когда я наконец открыла дверь, Карл сидел на стуле и вежливо ждал. С чемоданом в руке. Я жестом пригласила его выйти в коридор. Он сказал, что начал за меня волноваться. Ты всегда так долго спишь? Никакой желчи в его голосе я не заметила. Вообще-то я глаз не сомкнула, пока не позвонила миссис Ти – то есть за всю ночь проспала в лучшем случае часа два. С первыми же лучами солнца, прошептавшими «можно», я набрала ее номер и поинтересовалась, все ли в порядке у Лолиты.

Перед этим меня долго терзали сомнения: стоит ли нарушать мертвый сон миссис Ти? Но паника победила.

– Который час? – просипела она в трубку. – И зачем вам понадобилось это знать? Нет, я не видела Лолиту. Сегодня вторник. Девчонка приходит каждую среду как часы. – И сердито добавила: – Да, кстати, вчера вечером она звонила – потеряла свой гадкий шарф.

Я уже просчитываю, насколько увеличатся мои расходы, если я буду выбирать мотели с железными засовами на дверях. Допустимая скорость на некоторых техасских трассах – восемьдесят пять миль в час. Может, удастся сократить поездку? Хотя бы на два дня. На три. Или плюнуть на совет миссис Ти и спать в отдельном, а не смежном номере? Если он проснется и не сможет вспомнить, что находится за дверью, пиши пропало.

– Я забегу в уборную, – говорю Карлу, – и потом сразу в путь.

Он не кивает, только протягивает руку и берет с кровати разложенную карту.

Я предпочитаю смотреть на Техас целиком, видеть каждую венку и артерию, потому что этот организм запросто может обвести путешественника вокруг пальца. И никакие высокомерные женские голоса из GPS-навигатора не помогут. К тому же я не хочу оставлять следов, даже электронных. Мы с Карлом – призраки.

Карл зачарованно разглядывает три красные точки на карте, похожие на свежие капли крови – места, где пропадали девушки и где он фотографировал. Надеюсь, путешествие будет насыщенное и плодотворное: Карл начнет стирать точки и добавлять новые – то есть говорить, чувствовать, вспоминать.

Мне удалось привязать к Карлу и его снимкам исчезновения десяти девушек (не считая Рейчел), но я безжалостно сократила список до трех. Выбирала, руководствуясь чутьем, в основном по фотографиям: тех, чьи глаза умоляли сильнее. Горе чьих родных пронимало глубже.

Эти девушки, эти нераскрытые дела – моя живая, упорная надежда. Единственный способ достучаться до совести Карла. Я должна проследить их истории от и до, потому как в случае с Рейчел никакой истории нет. И точки нет.

В то утро никто не видел девочку на серебристом велосипеде. Никто не знает, выбрала она новый маршрут или в последний момент решила срезать путь. Никто ничего не видел. Она просто исчезла.

Я закрываю за собой дверь. Спускаю воду в унитазе, открываю кран. Даю Карлу время переварить увиденное, осмыслить карту и точки на ней. Смотрю на шарфик, который повесила на крючок в ванной: не хотела, чтобы он лежал рядом с моими вещами. Может, оставить его здесь?

Когда я выхожу, Карла нигде нет. И карты нет. Дверь в его спальню приоткрыта. Я аккуратно толкаю ее и вхожу. Когда он успел стянуть постельное белье и сложить его аккуратной стопкой на кровати? Сверху лежит хрустящая двадцатка.

А ведь миссис Ти говорила, что наличных у него нет.

Чемоданы исчезли. И моя сумочка тоже. Он забрал все, кроме мелочи, которую я оставила для горничной.

В считанные секунды я вылетаю на улицу. Машина стоит ровно на прежнем месте. Карл сидит на пассажирском сиденье и оживленно двигает губами, но, заведя меня, тут же закрывает рот.

Я подхожу, медленно повязывая шарф на шею.

10

Карл как будто и не заметил шарфа с улитками. Я поправляю его, чтобы кончик не упал в кофе, и убираю за сахарницу ламинированное меню закусочной. По проходу между столиками ползет наша официантка с подносом.

Всю ночь меня преследовали лица. Лолиты, Виолетты, Рейчел, безымянной девушки из чемодана Карла, окруженной морем красного песка. Я представляю ее красивые волосы, черной змеей свисающие со спины – один локон взметнулся вверх, словно готовится нанести удар.

Еще один кусок головоломки. Еще одна возможная жертва.

Моя голова под завязку набита фактами о Карле. Фотографиями, уликами, заключениями психиатров, слухами, догадками – словом, всем, что мне удалось разнюхать об убийце, который сейчас сидит напротив меня в этой паршивой закусочной.

Я сыта по горло. Аж тошнит.

Но надо же с чего-то начинать.

– Человек Дождя – почему тебя так прозвали?

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто веду светский разговор.

– Ну-ну. Что ж, можно и поболтать, это еще никому не повредило. Просто когда-то я фотографировал только во время дождя. Дурацкая затея: лишние сложности и ограничения. – Он пожимает плечами. – Это было сразу после того, как один дорогой мне человек погиб во время грозы.

На лице Карла – ни намека на чувство.

Я уже слышала эту историю. Прокурор заявил, что это всего лишь сказка, призванная вышибить слезу у присяжных. Не верьте ему, господа, он и близко не романтик.

Прежде чем я успеваю задать следующий вопрос, Карл подается вперед, разбрасывая шесть таблеток, которые я аккуратно выложила в ряд на синем-черный ламинированный стол.

– А теперь я заведу светский разговор. Если бы я бегал по свету и убивал юных девиц, то совершенно точно помнил бы об этом. Больные деменцией так устроены. Они помнят прошлое во всех подробностях, как будто оно случилось вчера. Я помню свою первую фотографию и прекрасно знаю, какой должен быть

вкус у чая со льдом. Я бы запомнил, каково это – перерезать человеку горло.

Я машинально дергаю головой, скидывая челку на левый глаз и щеку. Этот невротический тик я не в состоянии контролировать, сколько ни пытаюсь. Он преследует меня с детства. Карл это знает. Он уже видел мой фокус с волосами у миссис Ти.

– Не волнуйся. Никто не слышит. В этой забегаловке секретничать куда проще, чем за компьютером. Кто я? Да просто наблюдатель, зритель. Все вокруг я воспринимаю словно бы через объектив фотоаппарата. Замри здесь. Щелкни там. Это невозможно выключить. Девочка-подросток за дальним столиком? Залетела и хочет сделать аборт. Осуществит задуманное задолго до того, как появится животик. Женщина, которая сидит у тебя за спиной, вчера заработала очередной фингал от мужа и думает, что в этот раз уж точно подаст на развод. Ну-ну. И кстати, мне нужен мобильник. Добавь его в список.

Такой длинной речи Карл при мне еще не выдавал. Это слова умного человека. Хищника. Две недели назад Карл утверждал, что не помнит о своей карьере фотографа-документалиста. Даже не знает, что это за профессия такая. На следующий день в списке его условий появился пункт «Камера».

В закусочной шумно, все столики заняты. Вылезти из припаркованной у мотеля машины и отправиться в ближайшую забегаловку хотел Карл. Мы сделали ровно шестьдесят восемь шагов. Меня беспокоит эта новая мания – все считать. Шаги, дни, деньги, таблетки, которые Карл сейчас потихоньку прячет под чайное блюдце. 4566 дней назад исчезла Рейчел, 94 дня назад мама в очередной раз заверила меня, что бросила пить, 38 дней назад я в последний раз поставила свою настоящую подпись.

Надо во что бы то ни стало вернуть себе контроль над ситуацией.

– Я не разрешу постоянно добавлять в список новые условия, Карл. И где ты взял двадцатку, которую оставил горничной?

– А вот и ваш заказ! – прервала наш разговор официантка, бахнув перед Карлом поднос с завтраком.

– Я вас где-то видел... мы знакомы! – сообщает он ей. – Вас зовут Аннет. Нет, Линнет! Красивое имя. Красивая девушка.

Официантка улыбается, показывая бежевые зубы. Мне хочется заорать во все горло: У тебя имя на форме вышито, идиотка! Он сожрет тебя живьем!

Я наблюдаю, как Карл раскидывает перед стареющей официанткой свои силки. У нее на груди красуется значок: «Много есть вредно, а мало – скучно». Я вижу растерянность на лице Линнет: она гадает, кем я прихожусь Карлу, и боится с ним флиртовать. Соперница, читаю я в ее глазах, но какая?

– Моя дочь, – услужливо подсказывает Карл.

– Вам только хлопья, да? Может, что-нибудь еще принести? – спрашивает Линнет, подливая мне кофе. – Вы такая худенькая.

– Спасибо, не нужно. Мне хватит.

Бесполезно ко мне подлизываться, Линнет. Это не поможет тебе забраться в штаны к Карлу – и наконец выбраться из захудалой каморки в общежитии.

Мне плевать на ее вечные проблемы с мужиками, на девочку, которая рано или поздно раскрутит штат Техас на аборт, на женщину средних лет (заказавшую «кофе-черный-без-сахара-пожалуйста»), иногда мягко задевающую мою голову своей, мне плевать даже на себя саму. Я очень долго тренировалась и готовилась к поездке, и все зря: я уже чувствую себя уязвимой.

– Хватит действовать мне на нервы! – шиплю я Карлу, как только официантка скрывается из виду.

– А? Разве ты не хотела, чтобы я всем врал о наших отношениях? Она, между прочим, не в моем вкусе. Тачка у нее хуже некуда, еще она везде таскает свою псину и танцует паршиво.

– Откуда ты?... Ладно, не важно.

– На штанах собачья шерсть, на поясе ключ от «Малибу» восемьдесят седьмого года, который я видел на парковке. И у нее высокий подъем. А значит – скрученные пальцы на ногах.

Карл щедро поливает свой завтрак за 6,99 доллара черничным сиропом, накалывает на вилку польскую колбасу вместе с куском блинчика и запихивает все это в рот.

– Объедение! – чересчур громко заявляет он. – Миссис Ти только и умеет, что портить яйца.

– Не привлекай к нам лишнего внимания.

– А я и не привлекаю. Даже не пытаюсь.

– Говори тише!

– Я тут подумал... Может, ты тоже коп? И хочешь вытрясти из меня признание? Или журналистка в поисках темы для книги?

– Мы это уже обсуждали. Разве я похожа на копа, Карл?

При слове «коп» беременная девочка за соседним столиком поворачивается к нам одним ухом, но, поразмыслив, снова утыкается в телефон.

– Мы же договорились. Ты обещал попытаться. И обещал быть честным со мной, если я выполню все условия. – Ничего такого он мне не обещал.

– Честность в обмен на честность, ладно? И кстати, ты пока выполнила только два моих условия из тридцати. Может, нам и впрямь написать книгу? Престарелый психбольной и его новоявленная дочь отправляются в захватывающее путешествие по Техасу – в надежде раскрыть несколько давних преступлений и узнать, действительно ли он – серийный убийца. Клинт мог бы сделать со мной кино. Или младший Бриджес, ну, который Большой Лебовски. Тебя сыграла бы Элизабет Тейлор, будь она жива, с кольцом в носу и ванильными печеньками вместо сисек. В конце я хочу красиво уйти в пустыню. И, кстати, знаю подходящее местечко.

Он наливает в пустую тарелку еще немного сиропа и принимается рисовать на нем не то сердечко, не то сиськи Элизабет Тейлор. Тут же все стирает.

От дешевого синтетического шарфа у меня начинает нестерпимо чесаться шея. До мурашек.

Но шарф я не снимаю. А Карл по-прежнему молчит.

– Тебе все шуточки! – шиплю я. – Ты что, не понимаешь? Эти девушки погибли!

– С чего ты взяла? Их ведь не нашли. Я, между прочим, кое-что читал о своем деле.

Прежде чем я успеваю это переварить, Линнет возвращается. Хватает со стола пустую тарелку и как бы невзначай задевает грудью его плечо.

– Кому счет? – весело спрашивает она.

– Доченька заплатит, – отвечает Карл. – А с меня чаевые. – Он вкладывает в ее ладонь десять долларов. И несколько секунд не отнимает руку – словно метит новую жертву.

Когда Линнет удаляется, Карл начинает по одной закидывать в рот таблетки.

– Меня признали виновным только в том, что я делал фотографии. Я не стал оспаривать решение присяжных.

Внимательно слежу за нашей официанткой, которая убирает тарелки с соседнего стола. За столом сидят несколько мужчин в бейсболках. Пышная грудь Линнет снова в деле. Кто-то сует ей банкноту. Мне становится совестно: я поторопилась с выводами. Она, похоже, вовсе не дура в отличие от меня.

Линнет замирает у кассы со стопкой грязных тарелок в одной руке – похоже, кассир сегодня не вышел, и она работает за двоих. Женщина за моей спиной просит счет. Судя по жирку на животе и туфлям «Кларкс», явно мама. Судя по обращению с официанткой, явно добрая.

А судя по размерам квадратного бриллианта на обручальном кольце, ей есть что терять. Не только Карл умеет подмечать мелочи.

Женщина спускает на нос солнцезащитные очки, чтобы расписаться на чеке. Под правым глазом – синяк черничного цвета.

– Милый шарфик, – произносит Карл.

11

Когда мне было восемь – прошло три года с тех пор, как сестра провалилась в могилу, – я записала в блокнот все свои страхи. К тому времени их накопилось предостаточно. И я начала методично от них избавляться. Сперва от самых ерундовых: схватила за ногу тарантула, съела целиком острый халапеньо, взорвала петарду. Потом принялась за страхи посерьезнее: села на самые высокие американские горки и, отпустив поручень, каталась до тех пор, пока не перестала кричать.

Каждый год я вычеркивала из списка два или три пункта. И добавляла четыре-пять новых.

В двенадцать, когда исчезла моя сестра, я решила копнуть глубже. Взяла в руки пистолет и долго его держала, пока не перестали трястись руки. Плюхалась с разбегу в бирюзовые бассейны – а потом и в озера. Научилась ножом входить в воду, пробираться сквозь черный ил, доставать до дна и выплывать на поверхность с кипящими от нехватки кислорода легкими.

В девятнадцать я прыгнула с парашютом, пересекла по канатке узкую пропасть, прокатилась в «найках» по тонкому льду, под которым спали сомы. В двадцать я пустилась в погоню за страшным смерчем и гнала до тех пор, пока моя старенькая «Тойота» не испустила дух. Поверженная, она замерла на месте и приготовилась к полету.

Всякий раз сердце буквально взрывалось у меня в груди.

Мой последний парень заявил, что мне жить надоело, и ушел. Он не понял главного: мне надоело вовсе не жить, а бояться.

Я украдкой поглядываю на Карла, который сидит в машине рядом со мной. Мы уехали от Линнет десять минут назад.

Год назад я повысила ставки. Наняла человека – специального человека, который пугал меня до смерти. Он подвешивал меня вверх тормашками, с завязанными глазами, и швырял вниз, при этом я понятия не имела, что случится со мной в следующий миг: то ли я упаду в ледяную воду, то ли отскочу от упругой сетки батута, то ли кубарем покачусь по бесконечному склону холма.

Он часами держал меня связанной в шкафу, сбивал с ног на темных подземных парковках, преследовал на «Мерседесе» с тонированными стеклами. Я училась стрелять в упор. Конечно, все эти опыты не проходили для меня даром. Но суть не в этом. Суть была в том, чтобы переосмыслить свой взгляд на смелость. Я поняла, что смелыми не рождаются (и я не родилась трусихой) – слава богу! Адреналин, двигательные навыки и контроль сознания – вот и все, что необходимо.

Мы на всех парах несемся к первой красной точке на карте – мосту на 17-й улице в восточной части Уэйко. Глаз у Карла дергается, когда он окидывает взглядом якобы незнакомую картину: проржавевшую насквозь заброшенную промзону. Если он и помнит, что находится под тем самым мостом, то виду не подает.

– Потеешь, как свинья, – заявляет Карл и врубает кондиционер на полную. Что еще за новости? На моем теле и лице нет ни капли пота.

Впрочем, прохлада и свежесть «Бьюика» даже радуют после колбасно-кофейных запахов и птичьего гвалта закусочной. А может, Карлу просто нужен белый шум. Он по очереди переводит в мою сторону все воздуховоды. Волосы щекочат лицо, попадают в глаза. Руки начинают покрываться мурашками – крошечный отголосок страха, пережитого минувшей ночью. Я вижу Карла, который сидит в темной морозилке номера и прислушивается к звяканью дверной цепочки.

Страх, подобный этому, давным-давно гложет меня изнутри, как стая крыс. Говорят, с самого рождения мы боимся двух вещей: громких звуков и высоты. Младенцы и котята отказываются ползать по прозрачному стеклянному столу, а

вот утка запросто по нему пройдет: она ведь умеет летать. Это инстинкт. Говорят. Лично мне кажется, что мы с рождения боимся всего на свете. И только притворяемся храбрыми до поры до времени. Пока чудовище не проснется.

Карл терзает радио, мечется от станции к станции, оглашая салон обрывками музыки, болтовни спортивных комментаторов и метеорологов...

Любит или нет... вероятность дождя... аллилуйя!.. мяч летит... о, мой цветок...

Хочется шлепнуть его по пальцам. Пальцы у него длинные и тонкие. Такими можно играть на гитаре, вырезать анекдоты, затягивать крепкие узлы. В суде Карл утверждал, что этими руками он исключительно печатал фотографии да пил «Виски сауэр» – и уж точно никого не убивал. А несколько минут назад в закуской рассказывал, как перерезать человеку горло. Такие мелочи упускать нельзя.

– Господи, да врубай уже свой говнокантри! – ворчит Карл. – Только заткнись.

Мы переехали мост. За последние две минуты я не произнесла ни слова и уж точно не говорила ничего о своих музыкальных предпочтениях. За обедом Карл был весьма убедителен... Может, он со мной играет? Что-то задумал?.. «Не теряйте бдительности, – предостерегала миссис Ти. – Деменция – хитрая тварь. Как кошка – уходит так, будто ей и дела до мышки нет. Но всегда возвращается. И уймется она только тогда, когда слопает добычу».

Я останавливаю машину в зарослях на обочине. Карл молчит.

Совсем не обязательно туда спускаться, говорю я себе. Достаточно просто показать ему этот мост. Однако в нужном месте без колебаний съезжаю на узкую заросшую дорожку, уходящую вниз. Так просто ее не увидишь, о ней надо знать – видимо, этим она и приглянулась Карлу.

Наша машина ползет по пологому склону. Хрустит гравий. Внизу я останавливаюсь. Перед нами раскинулись джунгли из бетонных столбов и буйной растительности.

Я достаю с пола под задним сиденьем две белые тряпки. Подготовка. Паранойя. В этих местах бывают рыбаки, они могут заметить нас и запомнить машину. На всякий случай прикрою номера тряпками.

– Что ты забыла сзади? – Лицо у Карла красное и злое, взгляд мечется от заднего стекла к белым тряпкам у меня в руках.

Что ты спрятал под моим заднем сиденьем, Карл?

Из глубин подсознания всплывает имя сестры.

Рейчел.

Рейчел, Рейчел, Рейчел. Условное словечко для моего тренера, которое я должна была произнести, если станет слишком страшно. Вот только он все равно бы не услышал – его почти никогда не было поблизости.

Шарф внезапно превращается в петлю. Под насмешливым взглядом Карла я стягиваю его с шеи и запихиваю в консольный ящик.

– Чего уставился? – огрызаюсь я. – Вылезай из машины! Пора встряхнуть твою память.

Название: МОГИЛА

Из книги «Путешествие во времени: фотографии Карла Льюиса Фельдмана».

Уэйко, 2001

Серебряно-желатиновая печать

Комментарий автора:

Этот загадочный маленький крест я обнаружил в зарослях под старым мостом на 17-й улице, неподалеку от излучины Бразоса. Каждый год я приезжаю туда и проверяю, стоит ли крест. Каждый раз встречаю бомжей, рыбакащих в Бразосе. Мне нравятся здешние тени, атмосфера разрухи и заброшенности. Мне нравится, что крест будит в людях любопытство, при этом никто до сих пор не удосужился его выкопать.

12

Карл плетется за мной следом. Мы идем под мост.

Я надеялась, что он пойдет первым. Это сильно упростило бы задачу – если бы он сам привел меня к первой точке на карте. Тогда я сразу поняла бы, что Карл все помнит. Помнит свои частые визиты сюда с драгоценной камерой, которую он называл Джорджем. С камерой, которая провела необыкновенную и насыщенную жизнь в путешествиях по Техасу, а потом очень долго пылилась в ящике для улик.

О, сколько сил и времени я потратила на то, чтобы найти загадочного Джорджа, способного пролить хоть немного света на прошлое Карла (это я еще молчу об Элисон, его старинном пикапе).

Карл послушно идет за мной и останавливается, когда я останавливаюсь. То ли издевается надо мной, то ли в самом деле ничего не помнит. Я с трудом выманила его из машины. От бывшего кокетства и веселья не осталось и следа. Пока я закрывала номера тряпками, он пересел на заднее сиденье и что-то бормотал себе под нос. Если за нами кто-то наблюдает, то полиция уже наверняка предупреждена о странной парочке под мостом.

Жаль, я не додумалась взять удочки и прислонить их к багажнику машины, хорошая была бы маскировка. Впредь буду умнее. День второй – а я уже оказалась под заброшенным мостом в компании Карла и даже не обыскала его сперва (хотя миссис Ти точно посоветовала бы это сделать). Но нет. Прикасаться к нему, выворачивать его карманы, зная, какое он получает удовольствие от происходящего... Нет, немыслимо.

– Мы почти пришли, еще ярдов двести – и все, – говорю я, несмотря на внезапно посетившую меня уверенность, что Карл знает дорогу.

Дорога под нашими ногами старая и с обеих сторон заросшая сорной травой, но посередине вполне ровная – значит, ею до сих пор пользуются. Если Карл на меня нападет, есть шанс, что кто-то услышит. Или по крайней мере найдет труп одного из нас за высокими перистыми сорняками, похожими на лас-вегасских танцовщиц.

Я осторожно шагаю посередине. Слева тянутся две ржавые ленты заброшенной железной дороги, напоминающие об одном испытании, которое мне устроил тренер. Я лежала на рельсах с завязанными глазами, руками и ногами. Прямо на меня несся поезд. Потом выяснилось, что это лишь аудиозапись и ветка была заброшенная. Потом.

Справа из известнякового карьера вытекает тоненький ручеек (через пару миль он впадет в Бразос). Пустой глазницей зияет огромная сточная труба – отличное место для змей, отважных мальчишек, граффитистов и умирающих тварей. Вокруг разбросаны и замерли в ожидании огромные клочья какого-то кустарника, ветви которого похожи на колючую проволоку. Я стараюсь сосредоточиться на вывеске хлебозавода миссис Бейрд и солнечных зайчиках на моих черных кроссовках, на цоканье ковбойских каблуков за спиной.

– Пришли.

Ну вот, каких-то триста ярдов – и дыхание уже сбилось.

Карл подходит и смотрит на стальной крест, примерно на полтора фута возвышающийся над сорняками.

– Хм. Я его фотографировал, – замечает Карл. Непринужденно.

– Верно, – говорю я, стараясь скрыть нетерпение.

Не свожу глаз с креста, наполовину освещенного солнцем, наполовину скрытого тенью моста. Вокруг кто-то немного подстриг сорную траву. На белой краске вспухли пятна ржавчины, похожие на кровавые кляксы. Посередине приварена

металлическая табличка без каких-либо надписей.

Крест устремлен в небо так же одиноко, как на фотографиях Карла, только там он был вкопан совсем недавно. На той же пленке обнаружились фотографии Николь Лакински и ее сына, сделанные в ближайшем парке, где копы арестовали Карла за вождение в нетрезвом виде (чуть более десяти лет назад).

Двадцатисемилетняя Николь пропала без вести за три дня до этого. Ее сына Алекса нашли на скамейке: он сидел и тихо плакал, и рука у него висела как-то странно. В машине Карла обнаружили пятидолларовую банкноту с отпечатками пальцев Николь и еще бейсболку. На суде Карл признался, что был в парке. Николь якобы всучила ему пятерку, приняв его за бездомного. А потом наотрез отказалась взять деньги обратно. Маленький Алекс запомнил только падение с качелей. И мужчину в синей бейсболке. Или зеленой.

В ту пору Карл, вооружившись камерой по имени Джордж, путешествовал по Техасу на пикапе по имени Элисон. И беспробудно пьянствовал под песни Боба Дилана. Заднее сиденье было аккуратно застелено пледом, на котором лежала подушка. Следователи не нашли в машине ни единой капли крови. Карл присяжным не понравился, но этот факт не позволил им вынести обвинительный приговор. Да и бейсболка на заднем сиденье машины оказалась белоснежной.

Если он действительно похитил Николь, где хотя бы один белокурый волосок с ее головы? След ее пота или слюны? Осколок лака для ногтей, выкрашенных в черную и розовую полоску? Кроваво-красный след помады «Руби Ву»? Серебряный перстенок в виде совы, который она носила на мизинце и постоянно теряла?

На секунду я вновь представляю себе сцену, разыгравшуюся под этим мостом вскоре после того, как копы проявили пленку и увидели на одной из фотографий знакомый крест.

Местные тролли, жившие под мостом на 17-й улице, говорили, что крест торчит там с незапамятных времен. Однако это не помешало полиции прочесать русло реки, сточную трубу и все окрестности в поисках пропавшей женщины.

Они нашли девять разрозненных и заляпанных грязью туфель, двести восемь пивных банок и бутылок, порванный и набрякший от воды экземпляр «Холодного

дома», чью-то контрольную по математике с оценкой «4», биологически опасную коллекцию использованных презервативов и игл, несколько скелетов крошечных животных. А еще два пистолета и три ржавых перочинных ножика, не связанных с какими-либо преступлениями.

Крест стоял на этом месте очень долго, но почему-то ни разу не привлекал к себе внимания прохожих. Полицейские выкопали яму шириной и глубиной в десять футов, однако ничего интересного под крестом не нашли. Тогда они аккуратно установили его на прежнее место. В Техасе кресты остаются на своих местах, несмотря ни на что.

Судья без проблем разрешил использовать фотографии с камеры Карла в качестве вещдоков. Тогда-то пресса и подняла бучу. Репортеры и прокурор начали привязывать остальные снимки к нераскрытым делам. Особенно те, что выставлялись в галереях. Одному журналисту из Уэйко удалось выяснить, что Карл фотографировал этот крест и раньше – задолго до исчезновения Николь Лакински. Снимок был напечатан в книге Карла.

Сейчас он восхищенно гладит железный крест – как плотник, любующийся тонкой работой. Работа была проделана немалая: кто-то нашел на стройке или свалке железные бруски, приварил их друг к другу и покрыл белой краской. Продуманная конструкция, призванная жить долго и под ударами молотка без труда войти в самое сердце твердой глинистой почвы.

Я вспоминаю о маленьком ножике, который ношу на ключах вместо брелока. Вот бы нацарапать на этой белой краске имя Рейчел. Хочется, чтобы ее запомнили. Тот, кто вколотил сюда крест, тоже наверняка сделал это не просто так.

Карл встает на колени и закрывает глаза. Исполняет некий ритуал? В нескольких дюймах от него, встревоженный маленьким землетрясением, выползает из своего земляного домика огненный муравей. Дежурный. А потом второй, третий... Все они ползут к руке Карла, а один уже подобрался к его большому пальцу.

Укуси его!

Когда муравей вот-вот должен разжечь в руке Карла маленький пожар, тот открывает глаза.

– Учужали черничный сироп. Ты знаешь, что у муравьев больше обонятельных рецепторов, чем у всех прочих насекомых? – Он безжалостно давит муравьишку. Затем встает. – Я готов.

Нет, так мы не договаривались. Десять минут впустую? Я надеялась на результат. Карла больше не имеют права судить за убийство Николь. И хотя бы поэтому он мог позволить себе маленькую вольность, какую-нибудь оговорку или смачную подробность.

– Что случилось под этим мостом? Ты помнишь?

– Я помню, что хотел написать на кресте имя. – Он словно прочел мои мысли.

И тут я слышу звук. Тонкий писк запуганной до смерти скрипки. Из ручья? Из-под креста?

– Чего это ты уши затыкаешь? – доносится до меня голос Карла.

Я резко опускаю руки. В воздухе стоит абсолютная тишина, если не считать плеска воды и гудения клаксона у нас над головой.

– Идем отсюда. – Я разворачиваюсь.

– Ты это слышишь?

Слышу, хотя и не хочу слышать. Звук стал еще тоньше, отчаяннее. Смычок замер и дрожит на единственной ноте. Над нашими головами – бесконечный барабанный бой автомобильных шин по асфальту.

Может, Карл еще и чревовещать умеет? Изображает чей-то предсмертный вой?

Он стоит лицом к ручью, спиной ко мне. Я не вижу, вибрирует ли его горло, но точно знаю, что вибрирует.

– Сволочь! – Я пытаюсь схватить Карла за плечо, но он тут же уносится прочь. И скрывается в зарослях за крестом. Огненные муравьи кишат у моих ног, мечтая

впитаться в кожу. Меня словно парализовало. Столько готовилась, думаю я, столько тренировалась – и все впустую. Слышно, как Карл продирается сквозь заросли, потом наступает тишина. Не знаю, можно ли выбраться на дорогу с другой стороны. Если можно, то Карла уже не догнать.

Проходит минута. Еще одна. Я жду.

Карл выходит из зарослей, согнувшись под тяжестью чего-то большого, что он держит в руках.

Он делает шаг в мою сторону, спотыкается. На его лице и джинсах – кровь.

У меня перед глазами возникает лицо сестры. И Николь.

Чем ближе подходит Карл, тем больше мне хочется сбежать.

Нас разделяют тридцать футов. Десять.

Надо взять себя в руки и посмотреть, что же он несет.

Один воспаленный глаз закрыт, на распухшем веке копошатся мухи. А в другом, карем и глубоком, застыла такая мольба, что на миг я перестаю дышать.

Пропавшие девушки, к которым мог иметь отношение Карл

Николь Лакински, 27 лет, Уэйко

Пропала без вести: 8 мая 2008 года между 13.00 и 17.00

Подробности: похищена из парка

Кто видел ее непосредственно перед исчезновением: сын, 5 лет

Подозреваемые: муж (есть алиби), бывший любовник (нет алиби), Карл (оправдан)

Статус дела: не раскрыто, тело не найдено

Фотография, связывающая жертву с Карлом Лююисом Фельдманом: «Могила» (издевка?)

Викки Хиггинс, 24 года, Калверт

Пропала без вести: 9 июня 2010 года, точное время неизвестно

Подробности: об исчезновении жены сообщил муж, пришедший с работы на обед

Кто видел ее непосредственно перед исчезновением: около 9 утра во дворе дома ее видел 82-летний сосед (ныне покойный)

Подозреваемые: муж (есть алиби), работник службы доставки «Федекс» (есть алиби)

Статус дела: не раскрыто, официально признана умершей

Фотография, связывающая жертву с Карлом Лююисом Фельдманом: «Невеста» (жертва вскоре должна была отмечать первую годовщину свадьбы)

Виолетта Сантана, 21 год, Галвестон, пляж Сан-Луис-пасс

Пропала без вести: 19 марта 2003 года, между 22.00 и 23.00

Подробности: находилась в состоянии алкогольного опьянения, в полной темноте залезла обнаженной в море

Кто видел ее непосредственно перед исчезновением: друзья, с которыми она пришла на пляж

Подозреваемые: нет

Статус дела: тело не найдено, с разрешения родителей признана умершей в результате утопления

Фотография, связывающая жертву с Карлом Лююисом Фельдманом:

«Утопленница» (как он ее убил? Возможно, он выбирает жертв с именами на «В»?)

13

Я нарушила правило: в тени моста воспользовалась одним из одноразовых мобильных, чтобы найти в «Гугле» ближайшего ветеринара. Вот тебе и клятва не оставлять электронных следов... Так мы с Карлом очутились в полутора милях от моста, в здании захудалой ветеринарной клиники. Стены обшиты вагонкой, желтую краску давно пора обновить.

Признаться, я едва не развернула машину, когда увидела вывеску: «Бюджетная нетрадиционная ветеринария: лечим экзотических животных и экстренных больных». Но Карл потребовал остановиться, мол, несчастный пес умрет с минуты на минуту. Допускаю, что серийные убийцы (лучшие из них – те, что остались на свободе) чувствуют приближение смерти издалека. Я решила поверить ему на слово.

Еще мне пришлось поверить, что могучая девица, осмотревшая нашего больного, – лицензированный ветеринар. Ее приветствие только подлило масла в огонь (Я доктор Киви, пишется как фрукт). Когда в людной приемной она нагнулась и подхватила с дивана собаку, я заметила над поясом ее «ливайсов» татуировку: «Перевод с собачьего – для слабаков». Мой тренер тоже не фанател по Цезарю Милну, знаменитому кинологу. Доминирование нельзя путать с дрессировкой, говорил он.

Раненый пес лежит на боку и почти не шевелится: только поскуливает и часто дышит, высунув язык. Словом, изо всех сил строит из себя хорошего пациента.

Доктор Киви бережно его поглаживает, оценивая серьезность травм.

Я разглядываю обои с изображением кошек в позах для йоги (или тантрического секса? обои давно выцвели, и рисунок просматривается с трудом), а сама пытаюсь подсчитать, как этот неожиданный визит к ветеринару ударит по моему кошельку. Карл сидит на единственном стуле, поджав губы и скрестив руки на груди.

Я верчу головой во все стороны, только бы не глядеть на пса – на кишачий паразитами глаз, на дыру в животе. Его скулеж, точно провод под напряжением, свивается внутри меня в пружину. Пусть лучше будет больно мне, а не ему! Это неправильное желание, и я пытаюсь с ним бороться.

Моя чрезмерная эмпатия распространяется на все и вся, даже на существ, обделенных голосом – сучащую ножками, полураздавленную муху на подоконнике, истекающую кровью рыбину с крюком во рту. Когда мне было три года, я кусала персик и гадала, не кричит ли он беззвучно от боли. Тренер ничего не смог поделать с этим моим недостатком. Хотя он и недостатком-то это не считал.

Надо сосредоточиться на чем-то другом. Представляю себе приемную, битком набитую людьми и животными, которых свела судьба: они сидят на разодранных в клочья стульях и продавленных диванах с цветочной обивкой. Есть в этой сцене что-то библейское. Как будто мы не в ветеринарной клинике, а в церкви, и ждем крещения. Все местные прихожане как один предложили нам пройти без очереди.

По моим прикидкам, операция будет стоить не меньше 400–500 долларов. Доктор Киви пока только сказала, что даст нам сорокапроцентную скидку – «за героизм», но сумму не назвала. Я все еще называю пса «собакой», хотя Карл успел дать ему нелепую кличку, а ветеринар зовет его «лапочкой». Скулеж упал на несколько октав и превратился в стон. Он напоминает жуткие загробные звуки, которые издавала моя сестра по ночам, чтобы меня напугать. Да, я всегда была трусишкой.

Доктор Киви, должно быть, гадает, почему у меня такой безучастный вид и какой великий смысл я надеюсь разглядеть в рисунке на ее кошачьих обоях. Карл совершенно спокойно смотрит на пса, даже бровью не ведет.

– Я точно знаю, что все собачьи приюты в радиусе пятидесяти миль сейчас забиты, – говорит доктор Киви, готовя капельницу. – Мои вольеры тоже. А в остальных приютах... скажем так, если этот бедолага выкарабкается, то станет первым в списке на убой.

Она уже пытается пристроить нам пса, давая понять, что идти ему больше некуда.

Доктор Киви переводит вопросительный взгляд с меня на Карла. Его лицо все изрезано шипами кустарника, в котором запутался раненый пес. Щеки и подбородок выглядят так, словно ребенок размалевал их красной ручкой. Невинно.

Мое лицо ветеринар изучает чуть дольше, чем хотелось бы. Лишь через пару секунд я с облегчением вспоминаю, что она видит маску, а не настоящую меня. Отрастить волосы до середины спины было непросто, а выкрасить их в нужный оттенок рыжего удалось только с третьей попытки.

Три месяца я питалась картошкой фри, феттучини «Альфредо» и чизкейками, чтобы прикрыть худобу четырьмя килограммами жира. Три часа искала на «Амазоне» удобные туфли на каблуках, которые в одну секунду сделали бы меня выше на несколько дюймов – впрочем, даже в них я не дотягиваю до метра семидесяти.

– Где, говорите, вы его нашли? – спрашивает доктор Киви. Я вдруг замечаю, что собака притихла. Это настораживает.

– Мы не говорили. – Я пытаюсь придумать очередную ложь и одновременно кошусь на собаку. Вроде дышит.

– Да под мостом, черт побери!.. – бормочет Карл.

Доктор Киви поворачивается к нему.

– Под мостом на 17-й улице? Туда часто привозят надоевших животных. Кошек, собак. Морских свинок. Кроликов, которых дарили детям на Пасху. И этим сволочам все сходит с рук – до сих пор никого не поймали!..

Она ничего не говорит про стальной крест и пропавшую без вести Николь Лакински, про ее депрессию, многочисленных любовников и ошибку, которую адвокат Фельдмана так смаковал в суде. «Может, она попросту сбежала, бросила ребенка? А потом, например, покончила с собой?» И хотя Карл присяжным не понравился, Николь им тоже не приглянулась.

Три недели назад сын Николь, Алекс, теперь уже тощий подросток, признался мне, что рука у него болит до сих пор.

Я сказала мальчику, что я репортер и хочу поговорить с его отцом – только перед этим дождалась, пока сам отец уйдет на вечернюю пробежку. Алекс открыл дверь почти сразу (хотя ему наверняка запрещали открывать дверь незнакомым людям). Мне было очень совестно называть ему липовое имя. Мы сели на ступеньках крыльца и немного поговорили. Алексу прямо-таки не терпелось рассказать кому-то о своей маме, однако день ее исчезновения не оставил почти никаких следов в его памяти. Он помнил лишь одно: жестокий хруст кости.

Мне хотелось обхватить его веснушчатое лицо обеими руками и сказать: никогда не забывай маму! Никогда не прекращай поисков! И вместе с тем мне хотелось, чтобы он забыл. Чтобы жил дальше. И никогда не проигрывал бой крошечному демону одержимости, поселившемуся в груди. Но вместо этого я просто надавала ему кучу обещаний. Когда он протягивал мне драгоценные семейные фотографии, я пообещала вернуться. И ничего не сказала про то, что его мама – лишь одна из красных точек на моей карте, всего несколько пикселей на огромном дисплее.

Доктор Киви выглянула в коридор и позвала кого-то по имени Дейзи. У Карла на лице застыла не то странная усмешка, не то гримаса – довольно жуткая.

Я вдруг замечаю, что стою рядом с собакой и глажу спутанный мех. Похоже, машину придется поменять раньше, чем я планировала.

Внезапно в дверях появляется бойкая девица в розовом медицинском костюме с мордашкой Хелло Китти на груди. Она тут же хватается за капельницу, чтобы вместе с ветеринаром откатить пса в операционную. Дейзи.

Что-то в ней есть...

Доктор Киви странно на меня смотрит.

– Все хорошо?

– Ты прямо позеленела вся, – замечает Карл и хватает меня за плечи. Я вырываюсь. Сердце бешено колотится в груди.

Нельзя, чтобы он ко мне прикасался.

14

На долю секунды мне показалось, что Дейзи похожа на Рейчел. Идеальное овальное личико. Лавандовые круги под глазами. Какое-то неуловимое сходство...

Я схватилась за стену с кото-йогами и сама, без чьей-либо помощи, вышла в коридор – лишь бы Карл меня не трогал.

Он сидит на полу рядом. И в какой-то момент просто меняет позу. Я тут же дергаюсь. Пора это прекращать, нельзя так реагировать на каждое его движение. Я заметила, что временами Карл бывает на удивление ловок и проворен. Час назад мы вместе загружали раненого пса в машину: он без малейших усилий работал обеими руками.

Я делаю еще один глоток «Колы» и переключаю внимание на три черных хвоста, то и дело выглядывающих из кошачьей переноски. Как бы заманить Карла обратно в машину до окончания операции?

Хозяйка кошек втиснулась на маленький диванчик рядом со мной и что-то строчит в телефоне, обручального кольца с крошечным бриллиантом почти не видно на ее пухлых пальцах. Почему-то мне вспоминается огромный бриллиант на пальце той женщины в закусочной. И еще – бабушкино кольцо с изумрудом, которое мама пообещала моей сестре и теперь хранит у себя в комод.

Есть что-то первобытное в этих кольцах. Пещерные люди обматывали запястья, лодыжки и талии женщин травой – чтобы пометить свою территорию, собственность. Чтобы подчинить их себе.

– Собаку берем с собой, – говорит Карл. – Это новое условие.

На его морщинистом лице я вижу хулиганистую насмешку – так маленький сын испытывает терпение матери. Мне очень трудно сохранять спокойствие. Вовсе не таких отношений я хочу с Карлом. Я – не миссис Ти.

– Собака не может быть условием. И не будет, – как можно сдержаннее отвечаю я. Не позволю Карлу мной манипулировать! Не позволю считать, что я хуже, что я бы на его месте бросила несчастного пса на произвол судьбы.

– Тетя Киви велела оформить вас, пока идет операция. Как вы... получше?

К нам подходит Дейзи с планшетом в руках, деловитая и вежливая.

Вблизи она совсем не похожа на Рейчел, ни капельки. И еще: от нее пахнет детской присыпкой. Она ловко убирает с экрана любовный роман и открывает регистрационную форму ветеринарной клиники.

Рейчел любила читать фантастику про пришельцев. Про дыры в другие измерения. Ужастики. А на постельном белье оставляла терпкий, экзотический, мускусный запах.

– Можете произнести кличку вашей собаки по буквам? – просит Дейзи.

– Это не наша собака.

– Б-а-р-ф-л-и, – вмешивается Карл.

Мне не нравится, как он на нее смотрит.

– Барфли? – хихикает Дейзи, набирая имя.

– Верно.

– Фамилия?

– Смит, – поспешно отвечаю я. – Наша фамилия Смит. И мы не местные, так что все остальные вопросы можете не задавать. Я заплачу наличными.

– Ли – это не второе имя, а окончание, – уточняет Карл, беспардонно разглядывая протез одноногого соседа. Военный в отставке, думаю я. Немецкая овчарка у его ног выглядит так, будто готова по первому же слову хозяина перегрызть нам глотки.

– У моего отца не было руки, тоже протез носил, – говорит Карл в пустоту. – Руку ему оттяпал сенной пресс на ферме у дедушки. Он говорил, что душа, верно, и впрямь существует, раз он до сих пор чувствует оторванными пальцами струны любимого банджо.

– Замолчи, – шиплю я, виновато косясь на инвалида.

Не помню, чтобы Карл упоминал на суде такие леденящие душу подробности. А ферма у его дедушки действительно была. Я не отметила ее на карте, но могу безошибочно ткнуть в нее пальцем даже с завязанными глазами. Она находится на западе Техаса, в сотнях миль от нас. В моих кошмарах это огромное бесконечное кладбище, на котором я копаю и копаю землю, как прилежный муравей.

В комнате воцаряется мертвая тишина.

Доктор Киви.

Я перевожу взгляд на ее бордовую хирургическую шапочку Техасского аграрно-технического университета – чтобы не смотреть на единственный сгусток крови у нее на животе (она словно только что выпотрошила оленя) и на краешек железной каталки у нее за спиной, с которого свешивается неподвижный хвост Барфли.

Я глотаю слезы – из-за чужой собаки. Моя одежда перемазана кровью. На меня пялится вся ветеринарная клиника.

Как же быстро пошли прахом мои планы.

15

Я словно бы смотрю видеозапись разговора Карла с моей милой умной сестрой. Он пытается очаровать ее. Одурачить. Как ему это удалось? Я должна знать. Должна увидеть своими глазами.

Пока доктор Киви рассказывает мне об операции, Карл в противоположном углу приемной уже вовсю флиртует с Дейзи. Та улыбается и сверкает розовыми резиночками на брекетах. Ее длинная коса шоколадного цвета, кое-как обернутая вокруг головы, падает за спину.

Убери руку с ее плеча! С этих дурацких котят «хелло китти».

Я наконец поняла, в чем заключается неуловимое сходство Дейзи с моей сестрой. В их сиянии.

До меня долетают лишь обрывки отчета доктора Киви о проведенной операции и состоянии пса. В его бедре сидела пуля двадцать второго калибра, внутренние органы не повреждены, чипа нет. Лучше оставить его на ночь под медицинским наблюдением.

– Вы вообще слушаете? – раздраженно спрашивает доктор Киви. – Дейзи согласилась одну ночь поддержать вашего пса здесь, бесплатно. Она за ним присмотрит. Ей все равно нужно добирать часы для поступления в Гарвард.

Я рассеянно киваю. Надо срочно выдернуть Карла из орбиты Дейзи. Видео перед моими глазами перематывается вперед: я вижу, что он сделает с этой шоколадной косой и железными прутьями, сковавшими ее зубки. А заодно – что он делал с золотыми сердечками, блестевшими в ушах Рейчел. Помню, мне снились кошмары о ее ушах.

– Карл. – Я поворачиваюсь к нему, повышаю голос: – Карл!

Он пожимает плечами и кланяется Дейзи.

– Хозяйка зовет.

На улице, оставшись с Карлом наедине, я не испытываю облегчения. Он вновь услужливо открывает заднюю дверь. Да что ж такое с этим задним сиденьем?!

Я захлопываю дверь.

– Садись вперед. Живо.

– Дейзи говорит, она не может приютить Барфли – у ее мамы аллергия на собак. И еще мама любит пинаться.

– Мы. Не. Берем. Собаку.

Дейзи теперь в своем желтеньком домике, в полной безопасности.

Я сажусь за руль, и в нос ударяет запах его пота – или подстреленной псины, или того и другого. Все хорошо, говорю я себе. После операции у меня осталось 3473,43 доллара (это с учетом щедрых чаевых, которые направо и налево раздавал Карл). Пересчитав наличные, я убедилась, что в общей сложности он украл у меня шестьдесят баксов. Значит, сейчас у него не больше тридцати. От этого становится немного легче.

Я утешаю себя тем, что из-за собаки и внеплановой ночевки мы отстанем от графика всего на несколько сотен миль. Если я брошу пса в клинику, есть вероятность, что Карл уйдет в себя, замкнется. Так что надо проводить время с пользой. Например – выяснить, где можно пораньше оставить арендованную машину. Купить немного собачьего корма, одноразовые простыни и покрывало для роскошного кожаного сиденья «Бьюика». Угостить Карла «Дримсиклом». Уговорить его постричься и немного закрасить седину. При необходимости можно даже побрить его налысо.

Карлу нет дела до моих душевных метаний. Он разворачивает напечатанный на принтере буклет, который, видимо, взял с заваленной бумагами стойки в ветеринарной клинике. Мне видно только паутину черных веток и чье-то имя – Матфей. Подозреваю, это мольба о помощи какого-нибудь садовника. Если стрищет деревья он так же плохо, как их рисует, то скоро явно останется без работы. Карл с головой погружается в чтение.

Я считаю до трех.

– Карл. Услышь меня. Ты ставишь слишком много новых условий. Хватит.

Он бросает на меня тяжелый взгляд.

– Наш священник всегда говорил «Услышьте», перед тем как зачитать цитату из Библии. Я воспринимал это как приказ.

Карл сует мне под нос открытый буклет.

«Помни!» – написано там.

«Матфей, 13.42».

Не имя, а номер главы и стиха из Библии про огненную печь. Он переворачивает буклет и указывает мне на нарисованную от руки карту с крошечным крестиком неподалеку от проселочной дороги.

Не там ли Карл похоронил Рейчел?

– Услышь меня, – говорит он. – Я ставлю новое условие. Мы едем сюда.

Карл делает вид, что фотографирует – подносит пальцы к глазам, нажимает воображаемую кнопку. Как та старуха у миссис Ти, что вязала воздух. Он стоит

по колено в высокой траве, посреди поля, примерно в двухсах ярдах от меня. На горизонте бурлят черные тучи. По полю разбросано несколько прямоугольных построек, похожих на спичечные коробки, но больше среди этой травы и пустоты ничего нет. Ничего и никого.

Мы катались по проселочной дороге туда-сюда, пока не нашли нужное место. С виду самое обыкновенное заброшенное ранчо, каких сотни. С табличкой «Въезд запрещен» у поворота.

Карл утверждает, что приехал сюда как турист и любитель истории (а буклет на стойке он нашел совершенно случайно).

На месте религиозного лагеря в восьми милях от Уэйко, который ФБР спалило дотла вместе с восемьюдесятью жителями, включая детей, нет никаких дымящихся руин. И других любопытных тоже нет, кроме нас – пожилого мужчины, выделяющего пируэты посреди поля, и девушки, чьи волосы рвет во все стороны сильный ветер. Поле по-прежнему принадлежат секте «Ветвь Давидова», только билетик сюда не купишь.

Один застройщик хотел превратить место осады «Маунт Кармел» в религиозный парк развлечений, но власти Уэйко благополучно стерли следы крови с ковра и обо всем забыли. Нет в городе и памятников или мемориальных табличек, посвященных одному из самых зверских линчеваний в истории США – оно состоялось в здании местного суда в 1916 году. Зрителей собралось видимо-невидимо: почти десять тысяч человек. Самые рьяные отрывали пальцы ног и рук с обугленного трупа – в качестве сувениров, – а потом дарили их друзьям.

Все это я знаю из гневного и весьма информативного буклета, который Карл зачитал мне вслух. Он прекрасно читает, напевно и с выражением. Слушая голос Карла, я представляла, как он декламировал стихи моей сестре, связанной по рукам и ногам на заднем сиденье пикапа.

После его чтения у меня до сих пор мурашки на руках и тугой узел в груди. Поведение Карла на поле не лезет ни в какие ворота – он расшалился, как ребенок. Но я почти уверена, что это не то самое Место. Его взгляд не бегаёт, он ничего не ищет.

Я наблюдаю за его прыжками, а в голове стучат давно наболевшие вопросы. У Рейчел спустило колесо? Ты предложил ей отвезти велик домой и починить? Или она застала тебя за работой, начала любопытствовать? В какой момент она осознала свою ошибку? Что она говорила перед смертью? Все эти и сотни других вопросов записаны у меня в дневниках и файлах.

Воздух бурлит, наполовину горячий, наполовину холодный – как будто в кофе наливают сливки. Тревожное начало типичной техасской бури.

Я поворачиваюсь к небольшому кирпичному мемориалу у ворот (только им и отмечено место резни, других ориентиров нет). На кирпичной стене рассыпаны монеты и камешки. Я знаю, эти аккуратно разложенные центы и четвертаки связаны с греческим мифом: мертвым надо чем-то платить за проезд на лодке, которая увезет их из царства живых.

Среди монет и камней есть несколько любопытных мелочей: черно-белая игральная кость, большая синяя пуговица, золотая сережка, несколько морских раковин, деревянная буква Х из «Скрэббла», пластмассовый зеленый солдатик. Все они говорят одно: «Я здесь был».

Будь это мемориал в честь моей сестры, что бы я здесь оставила? Ложечку для грейпфрута с зазубренными краями, из-за которой мы постоянно дрались? Крошечного пластикового Будду, что висел на зеркале ее старенького красного «Понтиака»? Резного медного ангела, которого мы каждый год вешали на рождественскую елку?

Слезы застилают мои глаза, перепрыгивающие с одного имени на другое. Вдруг я натыкаюсь на некую Рейчел Сильвиа, 13 лет.

Рейчел. Кто-то скажет, что имя моей сестры на мемориале – знак свыше. Мол, так держать, ты на верном пути. Но я не тешу себя пустыми надеждами. Мне дай волю – начну получать знаки от Рейчел каждый божий день, каждую минуту.

Я бы увидела ее в черно-белой кости – потому что воскресными вечерами мы с ней играли в нарды; в игрушечном солдатике – потому что мы строили крепости из песка и земли; в золотой сережке – потому что однажды Рейчел тайком отвезла меня прокалывать уши, чем привела нашу маму в неописуемую ярость; в букве Х из «Скрэббла», потому что сестра всегда одерживала победу в этой

игре (ни разу не дала мне выиграть!).

И хотя порой я действительно чувствую ее присутствие, даже позволяю себе с головой окунуться в эти ощущения, насладиться ими, все же до такого я не опускаюсь. Если я всерьез поверю, что в напарниках у меня погибшая сестра, ни к чему хорошему это не приведет.

Я должна сделать все сама. Без чьей-либо помощи.

Заставляю себя вернуться к мемориалу и вновь зачитываю имена. Имена погибших детей – это особая, страшная поэзия.

Стартл Саммерс, 1 год

Нерожденная Саммерс

Серенити Си Джонс, 4 года

Малыш Джонс, 1 год

Пейджес Гент, 1 год

Дэйленд Л. Гент, 3 года

Нерожденный Гент

Забывтый мемориал. Святой ужас. Такими оксюморонами сестра описала бы это место. Рейчел любила поиграть в слова.

Найдена пропавшей. Так она шутила про саму себя.

Карл отбежал довольно далеко – несмышленное дитя в открытом море. Я кричу ему «Вернись!» и показываю рукой на тучи, затянувшие небо. Вдоль дороги отчаянно гнутся под порывами ветра восемьдесят два молодых деревца – по

одному на каждого погибшего давидианца. В память о четырех погибших агентах ФБР никто деревьев не сажал.

Я продолжаю кричать и звать Карла – тщетно. Порывы ветра засасывают мои слова в водопад листьев, ревущий в старом дубе над кирпичным мемориалом. Воздух становится все холоднее и холоднее – температура падает очень быстро.

Пару часов назад рыжая парикмахерша, подстригавшая Карла, предупредила нас о надвигающемся торнадо. А еще кассир «Уолмарта», женщина средних лет в красных очках для чтения. Сквозь них она с восхищением уставилась на мой новенький чехол для мобильного (в горошек), на большую коробку шоколадных конфет «Уитманс» для Карла и на упаковку кислых мармеладных червячков. Бросив все это в полиэтиленовый пакет, она заявила: «Вы, часом, не в июле Рождество празднуете?» У нее был сильный тexasский акцент, и вместо «часом» получилось «часм».

– Повезло вашей собачке, – сказала она, пробивая банки с кормом «Пурина», всевозможные собачьи лакомства и «невероятно мягкий и удобный» поводок, на покупке которого настоял Карл. Перед этим он тщательно ощупал серебристую собачью удавку.

– А вам бы понравилось получить пулю в зад? – ответил Карл кассирше.

Щелк. Щелк. Щелк. Я оборачиваюсь. Карл стоит почти у меня за спиной и цокает языком, изображая срабатывание затвора фотокамеры. Как он умудрился так быстро одолеть половину поля? Не иначе как пробежал эти двести ярдов. И даже не запыхался.

Он прыгает на месте, падает на колени, тут же вскакивает, выкрикивает имена, высеченные на отполированных кирпичах красного, белого, розового и коричневого цвета – цвета кожи, крови и костей. Согласно легенде, эти кирпичи выкопали из-под земли на месте сгоревших руин. Карл разглядывает монетки, и глаза у него как-то нехорошо блестят – словно он задумал их украсть.

Наконец он прекращает бурную деятельность; невидимая камера свободно повисает на шее. Его движения настолько правдоподобны, что еще немного – и я увижу фотоаппарат.

Карл указывает пальцем на поле.

– Мой брат стоял вон там. Смотрел, как пылает ранчо. Оно сгорело минут за тридцать, не больше.

Брат. Я слышала, что брат Карла умер от рака. Вряд ли он был коп или давидианец.

– Норм был добровольцем, приехал из Акстелла тушить пожар, – продолжает Карл. – Их вызвали слишком поздно, а потом еще заставили ждать. Когда агенты ФБР разрешили пожарным подойти к ранчо с брандспойтами, на месте здания остались одни кости. Кости дома, кости людей. Мой брат целый год только об этом и говорил. Ему нравилось смотреть на огонь.

– Я тогда еще не родилась, – выдавливаю очередную, только что придуманную ложь. Мне якобы столько же лет, сколько «нерожденному Генту» с мемориальной таблички. Об осаде «Маунт Кармел» нам рассказывали в школе на уроке религиоведения. В памяти отпечатались две фотографии: до и после. Хлипкое здание, сколоченное кое-как из листов фанеры, и клубящийся столп пламени мандаринового цвета.

– Не мемориал, а груда политкорректной хрени, – усмехается Карл. Затем вновь кивает на пустое поле, где раньше стояло ранчо. – А ты знаешь, что на пятнадцатый день осады ФБР вырубил сектантам электричество?

Я мотаю головой.

– На улице минус десять, ветер дует со скоростью тридцать миль в час. Эти сволочи просвечивали дом прожекторами, врубали на полную катушку аудиозаписи работающей бормашины, тибетских молитв и визг кроликов, которых резали живьем. Внутри были дети. Копы использовали слезоточивый газ. Танки подогнали, мать их, чтобы протаранить дом. Конечно, эти чокнутые решили, что наступил конец света! ФБР исполнило пророчество Дэвида Кореша, идиота по имени Вернон, матери которого было четырнадцать лет, когда он родился. Всем известно, что с психами шутки плохи! Нельзя на них давить. Только копам невдомек.

Карл рассуждает трезво, с легкой долей безумия, как одержимый темой историк или документалист.

Впрочем, подозреваю, безумец в нем слегка заврался. Хочет меня напугать. Аудиозаписи с визгом кроликов, ну-ну.

Первая большая капля дождя плюхается мне на запястье. Волосы лезут в глаза, липнут к губам. Карл медленно поднимает руки к лицу и «фотографирует» меня.

Первая острая льдинка впивается в голову. Град. Вторая обжигает шею.

В суде Карл не слишком распространялся о своем детстве. Он вполне мог жить какое-то время у брата. Мог давным-давно положить глаз на Николь Лакински. Надо будет снова подбросить в стопку пару ее фотографий. Снимок сморщенного личика ее сына Алекса до сих пор лежит на самом верху.

– Мой братец даже хотел купить на аукционе «Камаро» шестьдесят восьмого года, принадлежавший Корешу, – говорит Карл. – В итоге он оказался ему не по карману. Какой-то богатеи предложил за него тридцать семь тысяч долларов.

– Зачем ты меня сюда привел, Карл?

– Это была твоя идея.

– Нет, не мо... – Я умолкаю. – Ладно, идем к машине, пока не промокли. Надо найти мотель.

Карл делает стремительный шаг в мою сторону, подходит почти вплотную и вновь поднимает руки к лицу. Он намного выше меня.

Я представляю, как выгляжу в его объективе: мокрая одежда липнет к груди и бедрам, промеж глаз – маленький белый шрамик, ставший заметнее без косметики, которую смыло дождем. Одна бровь приподнята, над верхней губой – родинка, в левой ноздре серьга с крошечным бриллиантом. Корни волос уже пора подкрасить. Зря я выбирала цвет по названию: «вишневая кола» оказалась нестойкой.

Никто не найдет меня в компьютерном морге пропавших без вести. Моей матери придется ждать очень долго – возможно, всю жизнь, – чтобы узнать, как я умерла. Совсем как она ждет вестей о Рейчел.

Его брат любил смотреть на огонь.

Возможно, Карл здесь уже бывал.

Мысли хаотично крутятся в голове. Я отскакиваю назад и машинально тянусь за пистолетом, которого нет на поясе – он до сих пор лежит в чемодане.

Щелк, щелк, щелк, цокает Карл.

Миссис Ти права. Лучше не покупать ему камеру. Не хочу становиться еще одной «застывшей жизнью» в его коллекции.

Карл вновь опускает руки. Что-то привлекает его внимание.

– Не можем мы ее взять! – досадует он. – Места нет!

Играть в классики с его разумом становится все проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hiberlin_dzhuliya/bumazhnye-prizraki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)